

Елена
Мухоморова

Дуговица
Крысорова

Расследования Макара Илюшина и Сергея Бабкина

Елена Михалкова
Дудочка крысолова

«АСТ»

2010

Михалкова Е. И.

Дудочка крысолова / Е. И. Михалкова — «АСТ»,
2010 — (Расследования Макара Илюшина и Сергея
Бабкина)

ISBN 978-5-17-085561-2

Грустная мелодия звучит над затаившимся городом... Это Крысолов со своей дудочкой тихонько уходит из города, уводя полчища крыс. А по шоссе на дороге разгуливает молодой человек с гитарой наперевес. У него другая задача: он уничтожает девушек, вырезая свои метки на их спине. Что объединяет этих двух людей, перешагнувших через века, навстречу друг другу в своей жажде уничтожения?.. Сыщики Сергей и Макар ведут расследование, которое из обычного убийства перерастает в погоню за призраком из прошлого. В таком расследовании надо отбросить все логичное и понятное, надо просто руководствоваться интуицией.

ISBN 978-5-17-085561-2

© Михалкова Е. И., 2010
© АСТ, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	29
Глава 4	45
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Елена Михалкова

Дудочка крысолова

© Михалкова Е., 2015

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Глава 1

– Пригнитесь, – вполголоса бросил через плечо провожатый, и Сергей с Макаром подчинились, не раздумывая: в этом месте стоило слушаться беспрекословно.

– Что, кто-нибудь летает? – осторожно осведомился Сергей, чувствуя себя до крайности неудобно – согнувшись, в полутьме, не зная, чего ожидать.

– Птеродактили, – буркнул идущий следом Илюшин.

Бабкин хотел сказать, что он не удивился бы и птеродактилям, но промолчал. Темнота здесь была странная, вот что: клочковатая, местами собирающаяся в чернильные пятна, а местами светлеющая без всяких видимых причин, будто разведенная невидимым источником света до состояния густого синего тумана. И еще она пахла.

Запах тоже смущал Сергея, потому что нельзя было сказать определенно, от чего он исходит, а Бабкин не любил неясностей. Пару раз ему казалось, что он улавливает тягучий аромат восточных специй – это случалось тогда, когда они окунались в туман, – но затем запах специй исчез, и ему почудилось, будто вокруг выросли какие-то сладкие дурманящие водяные цветы вроде лилии. Впрочем, он был не уверен, что так пахнет именно лилия.

– Не птеродактили. Просто потолки низкие, – проговорил провожатый, и Бабкин с Илюшиным не сразу поняли, что он отвечает на заданный минуту назад вопрос.

Когда они попали в этот коридор, ведущий сквозь скалу с шершавыми, теплыми на ощупь стенами, темнота сразу нежно обняла их, и некоторое время они двигались, почти ничего не видя перед собой, кроме узкой спины мужчины в белой рубашке. Тот шел уверенно, не зажигая фонаря, висевшего на поясе, и только коротко предупреждал о возможных препятствиях. Лишь в одном месте, когда тьма раздвинулась, словно занавес, и они оказались возле шумящей стены воды, падающей с потолка, взбивающей снизу дымку мельчайших брызг, мужчина в рубашке остановился, закатал рукав и на несколько секунд сунул руку под воду – по самый локоть. Сделал движение, как будто что-то переключил, а затем, поморщившись, вытащил руку обратно, стряхнул тяжелые капли и пошел дальше, даже не позаботившись о том, чтобы выжать край намокшего рукава.

Под ногами хрустела мелкая галька, перемешанная с песком. Коридор два раза завернул влево, и шум водопада превратился в шорох, который заглушался звуками их собственных шагов. Темнота здесь была сродни ночным зеленым теням в саду, и пахла тоже садом – влажным, душноватым после летнего дождя. В отличие от Макара Сергей Бабкин плохо видел в темноте, но он готов был поклясться, что перед ними – тупик.

– Стойте.

Провожатый, почти не задержавшись, провел рукой по стене. Послышался короткий писк, и дверь, скрытая в стене, приоткрылась; мрак отшатнулся назад, и в зеленоватом призрачном свете, падавшем из пещеры, куда она вела, стало видно, что на самом деле створка – деревянная, покрашенная под цвет красноватого камня. Когда Сергей с Макаром, пригнувшись, нырнули внутрь, провожатый прикрыл ее и сделал приглашающий жест рукой: «Идите».

«Пещера Али-Бабы», – ошеломленно подумал Сергей, оглядываясь. Вокруг действительно был большой грот – с высоким потолком и желтым песком под ногами. С одной стороны стена была завешана восточными коврами, и несколько таких же ковров пестрыми волнами лежало под ними. Неподалеку, почти на треть утопленные в песок, накренились два кованых сундука: из-под приоткрытой крышки ближнего змейкой выползала золотая цепочка, с конца которой бело-розовой каплей свисала крупная жемчужина. Поблескивающие, словно облитые расплавленным воском, сладости на подносах; выстроившиеся друг за другом кальяны, один больше другого; пузатые чаши толстого изумрудного стекла на грубой

полке, крепившейся к стене, за которыми угадывались очертания бутылок, волшебнo менявших форму в зависимости от преломления рассеянного света в стекле чаш... Свет здесь тоже был волшебный: зеленоватый, переменчивый, будто вода, покачивающаяся в десяти шагах от ковров с сундуками.

Небольшое озерцо с дальней стороны ограничивалось каменной стеной, и там, где вода подходила к камню вплотную, она меняла цвет: из зеленой становилась красноватой, в тон отраженной скалистой стене.

А неба эта вода не отражала вовсе. Потому что неба над ней не было – только каменный потолок грота, накрывавший, словно крышка гигантской сковороды, и песок, и крошечное озерцо с красно-зеленой водой.

Возле воды и лежала хозяйка этого грота наслаждений. В тишине, нарушаемой лишь скрипом песка под ногами, Сергей с Макаром подошли к ней и остановились.

Русалка была мертва. Тело казалось выброшенным волной на берег, хотя оба знали, что это невозможно – таких сильных волн здесь не было. Раздвоенный кончик длинного хвоста, серебристого с проблесками редких золотых чешуек, бессильно колыхался на поверхности воды. Длинные светлые волосы вились по песку следом за белой рукой, вытянутой вперед, словно в отчаянной попытке избежать смерти, нырнуть в золотой песок и раствориться в нем.

Бабкин присел, натягивая перчатки.

– Тело переворачивали? – сухо вoтo спросил он.

– Да, – ответил после паузы один из мужчин, сидевших на корточках в нескольких шагах от убитой.

От этого короткого слова молчание, сковывавшее всех, будто лопнуло, и заговорили сразу двое:

– Снимки сделаны, камера у нас с собой.

– Ее и без вас нашлось кому ворочать.

Бабкин поднял глаза и внимательно посмотрел на человека, бросившего последнюю реплику. Парень вызывающе откинул голову назад, но быстро стушевался и отвел взгляд.

Бабкин повернулся к телу и осторожно перевалил русалку на спину. Наклонившийся сзади Илюшин только вздохнул: синеватая вдавленная полоса охватывала шею. Веревка, оставившая этот след, сползла чуть ниже и под игрой теней и света казалась живым существом: было похоже, что она вот-вот скользнет в песок и без всплеска уйдет под воду.

– Странгуляционная борозда замкнутая, – вслух подумал Сергей. – Чего и следовало ожидать...

– То есть, если я правильно помню теорию, это почти наверняка удушение?

– Именно. Хотя тут и без борозды ясно, что вряд ли дама сама с собой покончила таким заковыристым способом. Что сказал эксперт о времени смерти? – спросил Бабкин, не обращившись, лишь чуть повысив голос.

– Три часа как мертва, плюс-минус, – тут же с готовностью откликнулись сзади.

Макар и Бабкин переглянулись. Три часа... Оперативно сработал Игорь Васильевич, ничего не скажешь.

Илюшин перевел взгляд на убитую. Перед ним лежала женщина лет сорока с выразительным, красивым лицом. Светлые, под цвет волос, брови, голубоватая кожа, обескровленные губы... Она и впрямь казалась русалкой, вынырнувшей из глубин подземного озера и погибшей в шаге от родной стихии.

Сергей, не снимая перчаток, поднял одну за другой кисти рук жертвы и осмотрел ее пальцы. Следы под ногтями на первый взгляд не видны, но это еще ни о чем не говорит... «Экспертиза покажет».

– Вы осматривали... э-э-э... помещение? – поинтересовался он.

– Само собой. – По голосу ответившего было слышно, что он задет. – Что уж вы... такими-то вопросами обижаете...

Сергей обернулся. Трое мужчин, сидевших на песке, выжидательно смотрели на него, словно признавая его старшинство, и только один шурился на воду: тот самый парень, который сказал про «ворочать». «С этим типом могут возникнуть сложности. Только проблем такого рода нам не хватало».

– Ну что? – тихо спросил Илюшин. – Серега, сейчас ты решаешь. Что скажешь?

Бабкин вздохнул, потер лоб.

– Чего тут решать... Пошли к Перигорскому. Слышь, Сусанин! – позвал он провожатого, темной тенью застывшего у двери. – Веди нас обратно. И если есть путь, на котором не надо сгибаться в три погибели, то лучше выбери его.

Сидевшие группой мужики хмыкнули, один откровенно засмеялся. Макар вопросительно вскинул брови, оглядел пещеру, но если здесь и была вторая дверь, то ее тщательно замаскировали.

– Есть такой путь, – согласился бесшумно подошедший провожатый. – Вы купаться любите, господа сыщики?

– Да, – живо ответил Илюшин.

– Нет, – одновременно с ним сказал Бабкин.

– Если нет, то прошу той дорогой, которой пришли.

– А если да?

– А если да, то прошу сюда. – Он указал на воду.

– В каком смысле? – озадаченно спросил Сергей.

Илюшин, ни слова не говоря, подошел вплотную к озерцу и, вытянув шею, стал заинтересованно рассматривать дно.

– В прямом, – пожал плечами провожатый, принимаясь расстегивать рубашку.

– И все-таки... – начал Бабкин.

– Через озеро, – сообщил Илюшин, закончив изучать дно, и в голосе его прозвучало удовлетворение. – Потрясающе придумано!

– Совершенно верно. – Мужчина бросил рубашку на песок и начал расстегивать брюки. Действие это в непосредственной близости от трупа показалось Бабкину кощунственным, и он зло бросил:

– Кончайте цирк. У вас человек умер, а вы каким-то идиотизмом занимаетесь.

Провожатый замер, сжимая в руке ремень. В глазах его мелькнула растерянность, сменившаяся пониманием.

– Простите, – виновато проговорил он. – Вас же не предупредили... Второй путь действительно ведет через озеро. Мы-то привыкли, вот и не задумываемся... – Он покосился на труп, шмыгнул и нервно закончил: – В самом деле, извините. Ничего плохого сказать не хотел.

– Второй путь в пещеру проходит через озеро, – почти дословно повторил его слова Игорь Перигорский, когда двадцать минут спустя Сергей Бабкин и Макар Илюшин оказались в его кабинете. – Вы все потом сами увидите.

Высокий, лысый, очень худой, всем своим обликом удивительно напоминающий засушенного богомола, Игорь Васильевич Перигорский сидел в кресле, положив руки на подлокотники и время от времени сгибая и разгибая их в локтях, что только усиливало сходство с насекомым. Умные глаза под полукружьями тяжелых, темных, больших, как тарелки, век смотрели не на Макара с Сергеем, а в окно, за которым сверкал высокий стеклянный купол, казавшийся набитым зеленью, словно банка – водорослями. Оранжерея номер один. Или, по терминологии служащих «Артемиды», первая сцена. Именно с ней у Бабкина были связаны

неприятные воспоминания: в свое время пребывание в оранжерее закончилось для Сергея парализующим уколом.

С Игорем Перигорским Илюшину и Бабкину пришлось столкнуться несколько лет назад при расследовании дела о пропавшей Вике Стрежиной. Тогда одна из версий вывела их к пейнт-клубу под названием «Артемиды», который очень заинтересовал обоих¹.

...Клуб был закрытым. Настолько закрытым, что Сергею с Макаром удалось собрать минимум информации о нем. Они разузнали лишь то, что фактически клуб содержит сорок человек, являющихся его членами, что ему принадлежит большая территория неподалеку от Волоколамского шоссе, охраняемая так, что постороннему человеку проникнуть на нее практически невозможно, и на этой территории находятся несколько оранжерей, конюшня, а также вертолетная площадка. Члены клуба были разбиты на небольшие группы, за каждой из которых был закреплен свой день недели. Люди приезжали в «Артемиду» утром, уезжали вечером, и никто не знал, что они делают там на протяжении многих часов. А те, кто знал, молчали.

Особенно Илюшина заинтересовал тот факт, что даже желтые газеты и журналы не упоминали об «Артемиде». Складывалось ощущение, что кто-то достаточно могущественный приложил большие усилия к тому, чтобы информация о клубе никуда не просачивалась, и ему это удалось.

Однако то, что не получилось у журналистов, удалось Сергею Бабкину. Он смог проникнуть на территорию клуба, но не смог выйти из него, и для того, чтобы вытащить напарника, Макару Илюшину пришлось самому приехать и побеседовать с Перигорским. Тогда-то они и узнали о том, для чего создана «Артемиды».

Клуб был детищем Игоря Перигорского, его вотчиной, в которой он осуществлял мечты и фантазии своих клиентов. Предположение Илюшина о том, что тот содержит дорогостоящий бордель, Перигорский с негодованием отверг: это было бы слишком мелко и плоско. В глубине души Игорю Васильевичу нравилось чувствовать себя волшебником, осознавать, насколько он могущественнее людей, приезжающих к нему. Столько, сколько знал о них Перигорский, не знал, пожалуй, больше никто.

Сперва команда психологов проводила работу с клиентом, выясняя его подсознательные желания, препарируя наклонности и влечения, анализируя темперамент и реакции. Затем в работу включались «сценаристы»: они придумывали сюжет игры, в которой гости Перигорского могли выбрать роль себе по вкусу. Игра реализовывалась в специально созданных декорациях, и кроме гостей в ней участвовали актеры – сотрудники «Артемиды», тщательно отобранные с помощью тех же психологов.

Когда-то Перигорский не пожалел времени на то, чтобы объяснить Макару, в чем состоит уникальность его клуба, и Илюшин хорошо запомнил то, что говорил ему Игорь Васильевич.

«В основе всех наших игр, конечно, лежит сексуальное влечение, но не только оно. Вы понимаете, что наши клиенты не могут иметь недостатка в партнерах любого пола и возраста... Но ведь им нужно не только это. Представьте, что в детстве вы зачитывались историями про индейцев и воображали себя то бледнолицым, то Соколиным Глазом... А теперь вспомните наши «джунгли», вообразите индианок, захватывающих вас в плен и делающих с вами то, чего вы втайне желали, и оцените, насколько такая игра будет для вас увлекательнее, напряженнее и полнее, чем банальный секс с проституткой. Ролевые игры вечны. Наша задача – расцветить их и подогнать по мерке клиента; сделать так, чтобы наш гость поверил в перевоплощение – собственное и окружающего его мира – настолько, насколько это вообще возможно для человека в своем уме. Нет, психически больных людей среди клиентов

¹ Об этом расследовании читайте в романе Е. Михалковой «Остров сбывшейся мечты».

клуба нет, поскольку они отсеиваются заранее. Вы же понимаете, мне не нужны проблемы. Я заинтересован в том, чтобы все оставались довольны: и клиенты, и те, кто с ними работает.

Вы удивитесь, но человеческая фантазия не отличается разнообразием. Мы не испытывали сложностей с выбором антуража, в котором происходят игры. Никто из приезжающих к нам гостей не видит себя в мечтах рядом с синеволосой марсианкой среди марсианских пустынь. Лес – но обязательно первобытный, девственный – вот основа большинства сценариев, беспроектный вариант; роскошные интерьеры Средневековья – с той степенью достоверности деталей, которая необходима для наших визитеров; обязательно – водная стихия. В разных вариантах... Но позвольте мне не открывать вам всех секретов клуба...

Среди наших гостей – только мужчины. Почему? Женщины сложнее и изменчивее. Мужчина выбирает игру себе по вкусу и затем готов менять в ней лишь детали – и так на протяжении года, двух... Мужчина хочет либо доминировать, либо подчиниться. Мужчина – и к нам с вами это тоже относится, Макар Андреевич, – прост и понятен: после того, как вы осознали, чего именно он хочет, вам довольно несложно следовать причудам его фантазии.

Женщины же непредсказуемы. Они хотят одновременно доминирования и подчинения, меняют условия игры на ходу, нарушают даже самими собой заданные правила... Сегодня они требуют одного, завтра другого, а послезавтра мы вынуждены выполнять их первоначальные требования, но с некоторыми дополнениями... Нет, это обходится слишком дорого – во всех смыслах. При этом, как ни парадоксально, лучшие сотрудники клуба – женщины. Поймите: если только вы не спрашиваете женщину, чего она хочет, и вообще не пытаетесь этого понять, а преследуете свою цель, то из нее можно извлечь максимум заложенного природой. Женщина – это инструмент, и только. В умелых руках она может стать виртуозным инструментом, но не станете же вы говорить, что прекрасная увертюра была исполнена скрипкой.

Как вы сказали? Женоненавистник? Я? Ни в коем случае. Я отдаю им должное! Нет, не женат... А что вы, собственно, смеетесь?»

Перигорский отвел наконец взгляд от оранжереи и посмотрел на телефон: старый дисковый аппарат, стоявший на краю стола. Телефон тут же послушно зазвонил. Сняв трубку, Перигорский послушал, затем, не меняя выражения лица, сказал бесстрастным голосом: «так заканчивайте с этим поскорее» – и положил ее на место. Глаза грустного насекомого, только что доевшего последнего мало-мальски достойного противника и огорчающегося из-за этого, остановились на Сергее Бабкине.

– Я в ярости, – так же бесстрастно сообщил Игорь Васильевич. – Но к делу это не относится. Я сказал вам по телефону и повторю снова: мне хотелось бы, чтобы вы взяли за расследование этой смерти. Мой помощник, – продолжал он, жестом остановив попытавшегося что-то сказать Бабкина, – только что сообщил, что с опергруппой проблем не возникнет.

– Как это «не возникнет»? – не сдержался Сергей. – Игорь Васильевич, только не говорите, что вы купили всю группу вместе со следователем!

– А если бы и купил? – возразил Перигорский.

– Мы не будем принимать участие в сокрытии произошедшего, – спокойно, но твердо сказал Илюшин, без всяких сомнений объединив себя с Бабкиным широким «мы». – На территории вашего клуба произошло убийство, его можно раскрыть по горячим следам. Но для этого нужно действовать быстро. А вы, кажется, собираетесь заняться любительскими поисками, только чтобы выгородить кого-то из своих...

– Вы в корне не правы, – заметил Перигорский, и слово «клиентов» осталось произнесенным. – Позвольте, я вкратце опишу, как обстоит дело.

Он покосился на телефон и продолжил:

– Как вы уже знаете, несколько часов назад одна из девушек, работающих на третьей «сцене», обнаружила тело своей... коллеги. С явными признаками насильственной смерти. Меня немедленно поставили в известность, и благодаря моему вмешательству дело было поручено не первому попавшемуся следователю, а тому, кого я хотел бы видеть. Насколько слово «хотел» вообще уместно в данной ситуации. Однако параллельно я распорядился собрать свою, так сказать, альтернативную опергруппу, которая приступила к осмотру места происшествия. Вы их видели.

– Вы не имели права... – начал Бабкин.

– В момент совершения убийства на третьей «сцене» находились четверо клиентов и четверо девушек, – перебил его Перигорский. – И больше никого!

– Откуда это известно? – вступил Макар.

– Потому что они были там с утра. Только они! Это входит в игру – я потом вам объясню подробности. Наши сценаристы очень удачно сформировали эту группу: при общем рисунке сюжета у участников практически непересекающиеся предпочтения, и все были довольны, не говоря уже о том, что озеро – лучшая наша выдумка! Но кто-то один из группы – убийца, и это может быть как девушка, так и клиент. Пока по горячим, как вы выражаетесь, следам этого не удалось установить. Хотя я надеялся. Но, как вы понимаете, в следователе, ведущем это дело, мне важен не его профессионализм, а готовность не дать информации выйти за пределы круга людей, которым она станет известна. Это первое его ценное качество. Потому что если о случившемся пронюхают журналисты... – Перигорский поморщился. – Они вцепятся в брошенные им обрывки сведений, как крокодилы в ляжку антилопы. Огласка, скандалы... Неделию спустя вся Москва будет болтать о том, что происходит за нашими стенами. И если вы полагаете, что мне нужна реклама, то глубоко ошибаетесь. Она нас убьет.

– Но это же невозможно, – удивленно сказал Сергей. – Я имею в виду, сохранение тайны. Следователь не один, с ним работает целая группа, и нет никакой гарантии, что кто-то не проболтается...

– Гарантии нет. Инструменты воздействия есть. И, уверяю вас, я умею ими пользоваться.

Перигорский говорил спокойно, не меняя интонации, но в последней фразе Сергею послышалось что-то угрожающее.

– И что же вы предлагаете? – нахмурился Илюшин. – Кстати, вы не сказали, какое второе ценное качество этого вашего следователя?

– Его гибкость в подходе ко многим вопросам. Он умный человек и понимает, что в его интересах, а что – нет. Поэтому мы смогли найти компромиссное решение.

– И какое же?

– Расследование ведете вы, параллельно основному, официальному. В успех их действий я не верю, но допускаю, что могу ошибаться. В вашем распоряжении мои люди. Все, сколько понадобится. И средства. Тоже – сколько понадобится.

– А если это один из клиентов? – быстро спросил Бабкин.

Перигорский вздохнул.

– Сергей, вы же сыщик, вам нельзя мыслить штампами. Вы отчего-то решили, что главной моей задачей является выгородить человека, убившего Микаэllu, если он из наших гостей. Между тем главной моей задачей является обнаружить убийцу как можно быстрее, ведь только таким образом я могу сохранить вокруг своего клуба тот режим, который обеспечивает защиту «Артемиде». Для этой цели я и предоставляю вам с Макаром Андреевичем карт-бланш на расследование: если кто-то и способен провести его быстро, так это вы.

– А ваша группа? Та, альтернативная?

– Они всего лишь исполнители, качественно делающие свою работу. Их способностей здесь будет недостаточно. Тем более что дело тонкое, деликатное. Вы же понимаете, каких людей вам придется допрашивать.

– Раз уж мы заговорили о людях... – подал голос Илюшин. – Каким образом вы собираетесь обеспечить лояльность ваших клиентов по отношению к нам?

– Они же не идиоты, Макар Андреевич. И так же, как и я, заинтересованы в том, чтобы расследование проводилось, так сказать, в рамках самого клуба и теми людьми, на молчание которых можно положиться. Кроме того... – он сделал вескую паузу, – ни одна из девушек не покинет его территорию в течение ближайших суток. У вас будет возможность допрашивать их так, как вы сочтете нужным. То же самое относится к клиентам.

– Как вы этого добились? – не смог сдержать удивления Илюшин. – И как они согласились на такие условия?

Перигорский привстал на стуле и наклонился к сыщикам, опираясь худыми руками на стол:

– Как они согласились? Видимо, понимали, что моя просьба является таковой исключительно по форме. Потому что если кто-то посмел совершить убийство у меня под носом, я считаю это вызовом лично мне. – В первый раз в голосе Перигорского прозвучало что-то похожее на гнев. – Вернее сказать, не вызовом, а плевком в лицо! А трое суток – не такой большой срок.

Он сел на место. Илюшин и Сергей переглянулись. Поставив своих клиентов в подобные условия, Перигорский показал, что интересы расследования для него действительно выше интересов людей, которых он обслуживал.

– Как будет строиться сотрудничество с опергруппой? – спросил Бабкин, и Перигорский едва заметно улыбнулся: согласие было получено.

– Группы работают параллельно, обмениваются информацией. Других вариантов просто нет. И мне пришлось пойти на значительную уступку: нам предоставлено три дня, в течение которых мы имеем полный доступ ко всем данным, полученным прокуратурой. Затем нас отстраняют от расследования. Экспертизу проводит прокуратура, однако опрашивать подозреваемых и свидетелей, реконструировать преступление, изучать улики – все это предстоит делать и вам. С помощью моих людей, конечно же...

Он замолчал, выжидательно глядя на Илюшина и Бабкина. Из-за тучи над «Артемидой» неожиданно вывалился край сентябрьского солнца, похожего на репу, и стеклянная крыша вспыхнула в его лучах.

– Тогда не будем терять времени, – подытожил Макар, поднимаясь. – Его у нас немного.

Купол этой оранжереи был не таким высоким, как первый. Бабкину стало понятно, что он тоже из стекла, лишь когда они подошли вплотную: изнутри купол был затянут мелкой голубой сеткой, и со стороны казалось, будто огромный светло-голубой шар лежит на мокрой траве. С разных сторон к куполу вели низкие белые строения: длинные, как лучи, они соединяли оранжерею с другими корпусами клуба.

Теперь у них был новый провожатый: молодой парень с внешностью итальянского героя-любовника – смуглый, черноглазый, с белозубой улыбкой. Он представился Сашей Крупенниковым и в ответ на распоряжение Перигорского ввести сыщиков как можно быстрее в курс дела понимающе кивнул. К облегчению Бабкина, на этот раз, выйдя из кабинета шефа «Артемиды», они пошли совсем другим путем, и меньше чем через пару минут оказались возле голубого шара.

– Самое затратное сооружение из всех. – В голосе Саши, остановившегося возле двери, послышалась гордость. – Но оно того стоило, честное слово.

Когда они вошли внутрь, Сергей, приказавший себе ничему не удивляться, все-таки прищелкнул языком.

Перед ними лежало маленькое море. Синяя спокойная вода, много желто-белого песка, выглядевшего так, словно по нему никогда не ступала нога человека, и скалы, раскрывающие в широком зевке красноватые пасти пещер: целая галерея пещер, щедро оплетенных вьющимися растениями, в некоторых местах создававшими такую плотную завесу, что камня не было видно за их переплетением. Море, уменьшенное в тысячи раз, но отчего-то не производящее впечатления игрушечного. Словно кто-то вырезал из далекого пейзажа крошечную лагуну и перенес ее сюда, под голубой купол.

Здесь было тепло, даже жарко, и Бабкин расстегнул куртку, а затем и вовсе снял ее. Он оглядывался по сторонам, пытаясь понять, за счет чего достигается иллюзия, этот удивительный эффект реальности, заставляющий забыть о том, что меньше чем в двух километрах отсюда – загруженное машинами шоссе, автозаправки, микрорайоны с серыми громадами домов... Сергей всмотрелся в переплетение веток, как будто мог прочитать в нем правильный ответ, и обнаружил, что в зелени прячутся мелкие белые цветки. Это отчего-то слегка разозлило его. Цветки! И можно было не сомневаться, что они живые и пахнут так, как и полагается мелким белым цветкам, – тихо и душисто.

Вода, песок, искусственный камень... Ну и что? Из этого простого сочетания должен был получиться филиал аквапарка, развлечение для детей, которых старательно обманывают взрослые: посмотрите, милые дети, какое у нас море – в тазике, с пластмассовыми кораблями и желтым ковриком вместо берега! Но он-то не ребенок! Тогда отчего ему так хочется сбросить с себя одежду и немедленно шмякнуться на живот, подставляя спину солнцу и ожидая, что через двадцать минут она покроется красноватым загаром? Несуществующему, заметьте, солнцу!

Бабкин присел, зачерпнул в ладонь песок и медленной струйкой высыпал его обратно. Песок был теплый. Из него получилась аккуратная горка с ямкой наверху, в которую упал маленький обломок белой ракушки, захваченный вместе с песчинками.

И Сергей вдруг понял, почему не ощущает себя стоящим в аквапарке или перед отличными театральными декорациями, хотя перед ним были именно они, декорации. Убедительность пряталась в деталях, выверенных настолько, что они совершенно не бросались в глаза.

Он поворошил рукой песок и увидел обломки ракушек, острые краешки которых давно обкатало море. Чуть подальше валялись сухие водоросли, будто выброшенные волной на берег. Этот песок не был стерильным наполнителем искусственной песочницы – или, в всяком случае, он так *не выглядел*.

Сергей встал и глубоко вдохнул морской воздух. От воды подул теплый ветер, пробежал по его волосам, и Бабкин качнул головой, будто избегая прикосновения.

– Туалетный освежитель и вентилятор! – не сдержался он. «Интересно, эти “декораторы” хоть в чем-то допускают проколы?»

– Что? – не понял Саша.

Илюшин рассмеялся.

– Серега отдает должное правдоподобию вашего моря, – пояснил он. – Он-то по привычке ожидал, что будет пахнуть хлоркой...

– Ну да, и нам выдадут шлепанцы, – проворчал Бабкин. – Все-таки ветер – это перебор.

– А-а, вот вы о чем! Нет, ветер обязательно нужен! Раньше было еще звуковое сопровождение, но потом решили, что оно лишнее.

– Крики чаек и укушенных акулой купальщиков? – заинтересовался Макар.

– Ну что-то в этом роде, – ухмыльнулся Саша. – Но, как вы говорите, получился перебор. У нас же все-таки не зона релаксации...

– Вот именно, – заметил Бабкин, тут же вспомнив про труп в пещере. – Так что, Александр, где ваш короткий путь?

Парень сразу подобрался и деловитым тоном предложил:

– Для начала давайте пройдем в пещеры. Это – технические помещения. Обычно в крайней находятся спасатели, средняя – для отдыха, а две ближних служат кабинками для переодевания.

Сергей усмехнулся, до того неожиданно и неуместно прозвучали эти «кабинки».

– Конечно, для вас в первый раз занимательно, – сказал в ответ Саша, правильно истолковав его усмешку. – А мы-то привыкли. Вот к тому, что внизу, пришлось долго привыкать, да... Это мы так говорим – «внизу», а на самом-то деле, конечно, все на одном уровне.

– Почему нет следов на песке? – спросил Илюшин, пока они шли вдоль берега. – Все клиенты с утра были здесь, значит, должны остаться следы.

– Во-первых, за этим смотрят, и персонал разравнивает песок. Специально, понимаете? Чтобы было как сейчас – словно до нас здесь никто не появлялся. Во-вторых, гости выходили другим путем. Проходите...

Бабкин с Макаром заглянули в пещеру, а вошедший следом Саша включил свет. Настенные лампы вспыхнули и осветили просторное помещение, с одной стороны которого оказались душевые кабины, а с другой – длинный шкаф из нескольких секций.

– Ага... – удовлетворенно протянул Сергей. – А здесь, значит, решили не тратить силы на поддержание иллюзии.

Парень пожал плечами:

– Нет смысла. Все равно этот уровень – лишь прихожая. Какой смысл ставить диван там, где гости должны только переобуться?

– Кстати о «переобуться»... – заметил Макар, усмехнувшись, – я правильно понимаю, что нам предстоит выбрать купальные костюмы?

– Совершенно верно.

Саша толкнул дверцу шкафа, и за ней обнаружили полки с полотенцами, плавками и халатами всех размеров и расцветок.

– Прошу!

Десять минут спустя они стояли по пояс в прозрачной теплой воде. Бабкин, покрывшийся мурашками, ежился и старался избавиться от ощущения, что за ними наблюдают. В плавательных шортах он чувствовал себя глуповато и с завистью косился на Илюшина: тот обладал способностью моментально осваиваться в новом месте и теперь увлеченно бродил вдоль берега по щиколотку в воде, ворошил песок, и видно было, что ему уже не терпится плыть. Из-за очков на макушке волосы у него встали ежиком, и Макар сразу сбросил лет восемь.

– Точно маска не нужна? – в пятый раз спросил Саша.

Раздевшись, он оказался бугристым и загорелым, но загорелым как-то неровно, пятнами. Сейчас, стоя рядом с Сергеем, он напоминал крупную рыбину, которой поскорее хочется нырнуть.

– Ты же сам сказал: начнем тонуть – нас тут же спасут, – напомнил Бабкин. – Все, двигаем, нечего время терять.

– Значит, плывете за мной следом, – еще раз проинструктировал Саша, – и сразу уходите на глубину. Там ориентируетесь по свету. Лампы – помните, я говорил, да? Желтые такие... Точно сможете на минуту воздух задержать? Или все-таки маски?

– А вода-то пресная! – сообщил Илюшин, незаметно оказавшийся у него за плечом.

– Пресная, конечно. Можно без очков плыть, хотя обычно все их надевают. Кроме «русалок».

– И мы наденем. – С этими словами Макар опустил на глаза очки, и следом за ним то же самое проделал Бабкин.

– Отлично. Проходим восемь шагов – и ныряем. Я скоманую.

– Да пошли уже... командир, – беззлобно проворчал Сергей.

По ровному дну они прошли не восемь, а все десять шагов, и парень остановился. Перед ними вода из голубой превратилась в темно-синюю. Приглядевшемуся Бабкину показалось, что внизу, в глубине, он различает дрожащее золотистое свечение.

– Вот и «колодец». С богом!

Они задержали дыхание и нырнули одновременно, ушли в глубину, как Саша их и учил. Парень плыл чуть впереди, то и дело оглядываясь, и плыл отменно. Бабкин не глядел по сторонам, поглощенный тем, чтобы сохранять темп, но краем глаза успел заметить, что они движутся вниз вдоль стены, выложенной камнем, и через одинаковые промежутки в этой стене расположены желтые лампы, рассекающие светом воду.

Стена закончилась неожиданно, и Саша резко изменил направление движения: вместо того, чтобы продолжать погружаться, повернул в сторону и в несколько сильных гребков оторвался от Сергея и Илюшина. Затем, обернувшись к ним, махнул рукой вверх и сам поплыл туда, где уже можно было различить сквозь воду колеблющиеся очертания берега.

Воздуха Сергею хватило едва-едва, и когда он оказался над поверхностью, шумно вдохнул. Их провожатый уже выходил на берег, и, проследив за ним взглядом, Бабкин только теперь окончательно понял, что же имел в виду Перигорский.

– Второй путь в пещеру проходит через озеро! – пропыхтел он вынырнувшему Илюшину.

– Мы именно это и говорили! – Макар тоже запыхался, и теперь, перевернувшись на спину, поплыл, разглядывая каменный купол высоко над головой. – Что тебя так удивляет?

– Офигеть, – выдохнул Сергей. – Я не думал... не думал, что оно вот так все окажется.

Он увидел под собой дно и встал на ноги. Саша уже стоял у береговой линии, держа полотенца, и за его спиной темнела пещера – совсем не похожая на ту, в которой они осматривали тело «русалки».

– Это другой грот, – заметил сзади Илюшин. – Надеюсь, его-то хозяйка жива?

Они вышли на берег, растерлись мохнатыми полотенцами. Сергей бросил взгляд на пучки трав, висевших над входом в грот, на широкое зеленое покрывало, расстеленное внутри, и обернулся к Саше:

– Как это устроено?

– И где мы, кстати? – добавил Илюшин.

– Халаты дать? – осведомился провожатый. – Нет? Как хотите... Так, в обратном порядке: мы во втором гроте. Первый – справа от нас.

– Сколько их всего?

– Четыре, по числу девушек. Теперь что касается того, как это устроено...

– Не надо, уже сам сообразил, – махнул рукой Бабкин. – Вы спроектировали два озера, так? Они находятся в соседних куполах...

– Нет-нет, оба в одном. Мы сейчас находимся в «скалах». Именно поэтому здесь нет неба. Фактически мы с вами стоим за теми пещерами, в которых переодевались.

– Ясно... Значит, два озера. И они соединены... Чем, кстати? Трубой?

– Искусственный тоннель в скале, – уточнил Саша. – Широкий, между прочим. Заметил, что, когда мы плыли, противоположная стена была достаточно далеко?

– Я ее вообще не увидел, – признался Сергей. – Ладно, пусть тоннель. Берег второго озера вы разделили на четыре бухты, в каждой из них соорудили пещеру. Ничего не забыл?

– Забыл, что в пещеру можно попасть двумя путями: водным или лабиринтом, – добавил Макар.

– Точно, – кивнул Саша. – В задней стене каждого грота есть дверь, она выводит в коридор, а тот идет наверх, в соседнее здание. Первый раз вы шли как раз через лабиринт. Только мы его так не называем.

– А как называете?

– Да просто – «коридор», как я и сказал. В нем есть свои развлечения: водопад, например, а за ним небольшой бассейн. И еще кое-что... так, по мелочи. Девушки приходят на работу обычным путем, а клиенты предпочитают попадать сюда через озеро.

– Да... – протянул Бабкин, – красота... Нырнул, выныриваешь – а тут тебя русалка ждет!

– Не обязательно тут. Иногда и в воде. А может и наверх подняться: девчонки – отличные пловчихи. Их специально подбирали, чтобы в воде игрались, не уставая...

– Они что, действительно плавают в этих костюмах? – спросил Илюшин. – Наверняка им жутко неудобно!

– Ошибаетесь. Пойдем посмотрим...

Саша поднялся и, отряхивая крупный песок, направился в грот. Остановившись возле стены, отодвинул край висевшего на ней серо-зеленого ковра, и за ним обнаружилась небольшая комнатка, в которой стояло высокое зеркало и были набросаны какие-то серебристые сетки.

– Вот, смотрите.

Под серебристой сеткой обнаружился костюм. Присев на корточки, Саша очень бережно разложил его на песке и поднял глаза на Макара:

– Видите?

При ближайшем рассмотрении костюм оказался похож на удлиненный купальник, сперва сужавшийся книзу острым клином, а затем расцветавший пышным треугольником хвоста. На серебристую просвечивающую ткань купальника были нашиты лепестки чешуек: синих, зеленых, золотистых... Костюм переливался, поблескивал, и Илюшин живо представил, как красиво должна смотреться в воде девушка в этом наряде.

– До коленок он ноги стягивает, а дальше – хвост, – пояснил Саша. – В хвосте – лапа. Она, кстати, вынимается. Но и двумя ногами вполне можно бултыхать. Девчонки так наострились плавать, что за ними не угонишься. Справа и слева есть карманы. – Он поднял чешуйки там, где они были особенно частыми, и Макар с Бабкиным увидели два надреза на ткани. – Ткань специальная, эластичная, с особой пропиткой – такие используют спортсмены, пловцы. Но для вас, наверное, это не существенно...

Он сложил костюм и встал.

– Сдается мне, – протянул Сергей, – что в этом вашем гроте есть еще сюрпризы. Вот, комнатка потайная обнаружилась. Давай рассказывай, не стесняйся.

– Да никаких сюрпризов!

– Неужели? А что закрывает вон тот ковер? – Бабкин указал на противоположную стену грота. – Неужели просто так висит, для красоты?

– За ним – душ и туалет.

– Ясенько... Тогда рассказывай про ваших русалок.

Глава 2

Он вышел из дома, насвистывая, потому что настроение было отличное. Отличное! Главное – дни установились совершенно сентябрьские, сухие, как высохший лист, и было не жарко, но и не холодно. Ему хотелось думать, что бабьего лета не случится в этом году, потому что он ненавидел бабье лето. За название, конечно же. Оно его душило – солнцем, запахами, липкой своей теплотой, в которой он чувствовал неправильность: тепло должно быть летом, а не осенью.

– Никакого бабья-лета, я люблю тебя за это! – пропел он бессмыслицу и широко улыбнулся.

Накануне он собрал антоновку с трех яблонь, росших в саду возле дома, и разложил ее по деревянным ящикам, поставив их в прихожей один на другой. Он всегда собирал слегка недозрелые яблоки, еще зеленые – они дольше хранились, да и на вкус нравились ему больше. Мать насмешливо называла их кислятиной, но и сама не брезговала в ноябре утащить яблоко и схрумкать его, морщась от кислинки.

На электричке он проехал несколько станций и вышел там, где раньше никогда не выходил. Ему понравилось место: не слишком людное, потому что поселок виднелся только метрах в пятистах, и было ясно, что он совсем небольшой; с хорошей, в меру загруженной трассой и с широкой обочиной. Обочины имели значение, и он частенько выбирал дороги именно по ним.

Спрыгнув с платформы, он пошел, конечно же, не в сторону поселка, а туда, откуда доносился гул машин. Трасса. Место, откуда все начинается и где все заканчивается. Свистящее «трасса», похожее на след от выстрела, нравилось ему куда больше, чем протяжное «дорога». Дорога – это проселочная колея, по которой хорошо ехать на велосипеде, подставляя лицо ветру и солнцу, а трасса – это нерв, это его жизнь, это струна, на которой талантливый гитарист сыграт то, что захочет. А он – талантливый.

В глубине души он считал себя романтиком.

С километр он прошел не торопясь, совершенно не чувствуя тяжести гитары за спиной. Пара машин притормозила, но он с улыбкой отрицательно покачал головой: нет-нет, спасибо, пока не надо. Второй водитель даже дружески помахал ему рукой на прощание, и Гитарист в шутку отдал честь.

Вот что доставляло ему настоящее удовольствие: осознание того, как легко использовать стереотипы в своих целях. Молодые парни надевают футболки с ярким рисунком-принтом и думают, что таким образом они привлекают к себе внимание. «Я убил Че Гевару!» – кричат надписи на их одежде. «Здесь должно быть твое рекламное место!» «Погладь кота!»

– Погладь кота, пока он живой... – пропел Гитарист на мотив любимого «Чайфа», – люби его таким, какой он есть!

«Дурачье! – вот что он сказал бы этим молодым парням, если бы захотел. – Вы думаете, необычная одежда привлекает внимание к ее владельцу? Это иллюзия. Девять человек из десяти после происшествия смогут во всех подробностях описать рисунок на футболке и рассказать о шрифте, которым выполнена надпись, но только один окажется в состоянии описать человека в этой футболке!»

Стереотипы, стереотипы... Женщины напичканы ими, как фаршированные курицы – рисом. Да и не только женщины. Умело используя их, вы можете стать невидимкой. Можете вызвать доверие у людей одним своим видом. Можете притвориться безобидным кроликом.

Он вспомнил, какой восторг вызвал у него когда-то рассказ Честертона, в котором преступник в форме почтальона попадал повсюду, куда хотел, и выходил незамеченным, потому что «никто не обращает внимания на почтальонов». Он тогда почувствовал, что столкнулся

с чем-то большим, чем просто забавное наблюдение, использованное в сюжете, – он столкнулся с практическим волшебством! Знание психологии, навыки манипулирования сознанием – назовите это как угодно... Суть останется одна: если вы поняли, как это работает, то вы стали гораздо могущественнее большинства окружающих вас людей.

Человек с гитарой за спиной дошел до поворота, оглянулся назад и убедился, что поселка уже не видно. Пройдя еще немного, он остановился, почесал нос и улыбнулся.

– Вы не поверите, – вслух сказал он, – какое воздействие на людей оказывает обычная гитара!

Достать табличку из широкого кармана туристических штанов – дело нескольких секунд. Он упаковывал ее в полиэтилен, чтобы она не мялась, и хотя в кармане табличка сворачивалась в несколько раз, надпись все равно читалась отлично. В меру потертые джинсы, рубашка с длинным рукавом, свитер завязан рукавами на поясе – он выглядел не совсем типичным автостопщиком, но это не имело большого значения. Иногда он и вовсе не доставал свою бумажку, ограничиваясь поднятой рукой. Вот как сегодня, например... Определенно, сегодня будет достаточно руки.

Так вот, гитара... Обычных автостопщиков чаще подбирают мужчины, чем женщины, а все почему? Потому что последние по природе трусливы, панически трусливы. Они пытаются обезопасить себя. За доли секунды оценивая незнакомцев, они сортируют их, и в коробочку с наклейкой «безопасен» отправляются не больше двадцати процентов. Разве может молодой мужчина, ловящий на трассе машину, попасть в эти двадцать процентов? Вряд ли. Очень сомнительно.

Если только у него нет гитары.

Но гитара принципиально меняет положение дел! Парень с гитарой – это символ чьей-то юности, костров и палаток, песен о солнышке лесном и синей птице, которая обитает рядом с огнегривым львом. Это безбашенная молодость, какая бывает только у романтиков – ненастоящих, выдуманных, живущих в книжках и чужих воспоминаниях. Гитара создает вокруг вас невидимый ореол «своего» парня – парня, который, может, и станет мучить вас песнями собственного сочинения и душераздирающим исполнением чужих, но от которого не стоит ждать ничего плохого. Разве что он забудет вернуть вам небольшой должок и расскажет десяток бородастых анекдотов, над которыми сам же и будет похохатывать.

От парня с гитарой не ожидают ничего плохого.

Он подошел на шаг ближе к трассе и поднял руку с выставленным вверх большим пальцем.

– День такой хороший, и старушки крошат хлебный мякиш сизым голубям...

Он напевал под шум машин и, когда остановилась первая – серый «Пежо», не переставая напевать, пошел к ней. Он уже видел, что за рулем сидит мужчина, и, наклонившись к окну, улыбаясь заискивающе и просяще, назвал самый неудобный пункт назначения, какой только можно было придумать. Водитель отрицательно покачал головой, и Гитарист улыбнулся вслед отъехавшей машине.

Еще три тоже оказались мимо. Одна почти попала в цель, но он вовремя заметил на заднем сиденье подростка, насупленного некрасивого мальчишку. Гитарист сделал вид, что перепутал названия городов, быстро поправился, и женщина развела руками – нет, ей с ним не по пути. Жаль, сказал он, но в любом случае счастливой вам дороги! И подмигнул мальчишке, который, кажется, смутился от этого.

Светло-голубая «Мазда» вылетела из-за поворота на такой скорости, что он, хоть и стоял далеко от шоссе, все же отошел на несколько шагов назад. И когда она резко затормозила, разбрызгав мелкую гальку с обочины, он почувствовал, как будто потянули за струну в сердце.

Легко ступая, вглядываясь сквозь лобовое стекло, он пошел к машине, а струна все дзынькала и дзынькала, подсказывая, что наконец-то он ее нашел!

– Куда тебе, товарищ? – спросила сидящая за рулем девушка, сильно упирая на последнюю «щ».

Длинные волосы, обтягивающий свитер, пальцы с короткими вишневыми ногтями, на которых облупился лак. Заинтересованный взгляд – Гитарист ей понравился, но пока она не определилась до конца, в какую коробочку его положить.

– В Пирогово.

Он сбросил гитару с плеча, как будто устал ее держать. Это тоже был безупречно рассчитанный ход, который почти никогда его не подводил: людям становилось неловко отказывать человеку, который понадеялся на их доброту.

– Залезай!

Подчиняясь ее команде, он забрался на пассажирское сиденье рядом с ней, а гитару забросил на заднее. «Мазда» рванула с места так, что его откинуло на спинку кресла.

– Пристегнись, гитарист!

Его позабавило то, что она назвала его настоящим именем. Все-таки не зря говорят об их феноменальном чутье.

Она завязала разговор: кто он, откуда, куда идет... Он отвечал, поглядывая на нее, отмечая про себя, что появилась новая порода – с синими ресницами. Волосы белые, губы выпуклые, как у рыбешки, а длинные ресницы – синие, с крошечными комочками у оснований. На правой руке, лежавшей на руле, поблескивал тонкий золотой браслет-цепочка.

– Чего смотришь? Любуешься?

Она засмеялась, и он заметил, что десны у нее розовые, сочные. За окном началась полоса лесопосадок, и то и дело с главной трассы соскальзывали серые ручейки проселочных дорог.

– Я пописать хочу.

От удивления она даже притормозила, взглянула на него.

– Стеснялся раньше сказать, – признался он, напуская на себя смущенный вид. – Извини.

– А чего стесняться-то? Думаешь, девочки не писают? Нашелся, блин, стеснительный. Ладно, я сегодня добрая!

Машина вильнула, остановилась у самых деревьев.

– Вперед! Туалет для мальчиков – справа.

Она снова засмеялась, и он ей улыбнулся.

Ветки и листья шуршали под ногами, осенняя паутина летела обрывистыми ниточками. Он встал за широким стволом, за которым его точно не было видно, проверил, все ли на месте. Деревья вокруг одобрительно зашумели, он услышал зарождающуюся в глубине их корней симфонию. Ощущение, что он может дирижировать лесом, охватило его, и предчувствие горячей радости ударило в ладони. Ему пришлось сжать их, чтобы напомнить себе, что еще ничего не сделано.

Из леса он выскочил с растерянным лицом, добежал до «Мазды», немного запыхавшись:

– Слушай, такое дело... Короче, там сова лежит под деревом, живая, только оглушенная кем-то! Первый раз такое вижу!

– Да и черт с ней, – недовольно сказала девчонка. – Поехали!

Он покачал головой.

– Не, я не могу. Давай ты поезжай, а я останусь – посмотрю, чем можно помочь.

Она заколебалась. Все они, рожденные от одной праматери, были похожи, и он знал, за какие ниточки нужно их дергать.

Вождедение. Она его хотела. Она пахла как самка, которой нужен самец, и он представлял, что сейчас творится в ее головке. Девчонка питала небольшие, но устойчивые надежды на то, что он попросит ее телефон, и мечтала, чтобы он потом позвонил. Теперь она прокликает его внезапно проснувшуюся любовь к братьям меньшим и материт его дурацкий альтруизм, но, с другой стороны, он предлагает ей прекрасный повод познакомиться поближе... И она решилась.

– А, хрен с тобой, пойдем!

Обежав машину, она фамиллярным жестом взяла его под руку, словно он предлагал ей променады по пешеходной улице города, а не короткую прогулку по лесу. От неожиданного прикосновения его едва не передернуло.

– Далеко идти-то?

– Нет. Вон за тем деревом.

Он аккуратно высвободился, и девчонка, заинтересованная против своей воли, пошла чуть впереди, раздвигая кусты. Ее волосы, примятые от автомобильного кресла, рассыпались по спине – белые сверху, желтоватые на концах.

Он коснулся рукой травы, кончики укололи пальцы и ладонь, и сразу же на него накатилась первая волна музыки, как будто трава была ее проводником. Он глубоко вдохнул, чтобы задержать ее на секунду: волна прошла до горла и растворилась в нем, напитав его силой.

Теперь он знал: все получится, остановить музыку уже невозможно – разве что задержать ненадолго. Ноздри его раздулись, впитывая запах животного, идущего впереди.

– Ну и где она?

Полуоборот, ее профиль, взмах синих ресниц, недовольно искривленные губы... «Еще не пора... Не пора... Не спугни ее!» Вынужденный следить за собственным голосом, он едва не пропустил вторую волну.

– Слушай, здесь была! Подожди-ка, наверное, за соседним деревом...

Голос у него стал низким, но это ее не насторожило. Она завертела головой, и он увидел, как белый клочок шерсти отделился от остальной массы волос, плавно спустился вниз и повис на ее свитере. Маленькие острые зубки, розовые десны... «При укусе крыса может заразить человека хантавирусом, летальный исход от которого составляет, если не проводить лечение, не меньше десяти процентов».

Вторая волна упала сверху, и от удара он едва не покачнулся. То, что оживало в нем, притягивало к себе со всех сторон звуки, и они из хаоса упорядочивались в стройную систему, математически выверенную конструкцию, выражавшуюся музыкой, безупречнее которой не могло быть ничего в мире. Он даже прикрыл глаза на несколько секунд, боясь, что может не выдержать, упасть оттого, что закружилась голова. Музыка выростала из всего вокруг, проникала в него, и он ощущал, что почти готов совершить то, зачем они пришли.

– Короче, мне это надоело! Пошли отсюда!

Ее визгливый голос ворвался фальшивой, режущей слух нотой в то, что пело вокруг, и не в силах уже противиться себе, он сделал ей знак замолчать.

– Ты чего это на меня машешь-то? Офигел?!

Но и ее вопль уже не мог помешать неотвратимому наступлению его симфонии. Мощный аккорд, взмах веток, синхронный всплеск листьев! Третья волна обрушилась со всех сторон, затопила его, опустошила и наполнила собою, и все тело стало жарким, будто вспыхнуло изнутри. Он ощутил такой мощный прилив желания, что оскалил зубы, чтобы не выплеснуться раньше времени, и крик вырвался даже не из его горла – из него всего, насквозь пропитанного торжествующей, гремющей, оглушительной симфонией смерти.

Она даже не успела ничего понять. Бусинки крови, забрызгавшие кусты, и красные росчерки на траве, и неровное расплывающееся пятно под его ногами – все это случилось

уже следом за пиком его наслаждения, и он облегченно опустился на траву, слыша, как затихают в нем звуки, просачиваясь в землю и возвращаясь туда, откуда появились.

Несколько минут он сидел, приходя в себя, чувствуя выступившую на лбу холодную испарину. Он всегда испытывал сильный приступ слабости и сонливость вслед за тем, как убивал крысу. Подыхая, они забирали у него часть энергии, но это было посильной платой за избавление от тварей.

На лежавшее под кустом тело упал лист. Он заставил себя подняться – нужно было довести дело до конца и уходить. Сделал надрезы в нужных местах, потом стащил с ее руки золотой браслет, огляделся, проверяя, не оставил ли чего-нибудь, что сможет его выдать... А затем, неторопливо и слегка пошатываясь, направился к трассе.

Ему пришлось подождать, лежа в кустах, пока проедут машины. И только когда шоссе опустело, он выбрался из укрытия, добежал до голубой «Мазды», вытащил оттуда гитару и убрал несколько своих волосков, оставшихся на подголовнике сиденья. Достав из кармана салфетку с пропиткой, старательно прошелся по всем поверхностям, особенно тщательно вытер дверную ручку.

Теперь можно было не торопиться. Человек в стоящей у обочины машине не вызывает подозрений, если он один.

Покончив со всем, он закрыл «Мазду» и забросил ключи в лес, не забыв протереть и их тоже. Повесил гитару на спину и зашагал вперед, насвистывая себе под нос веселую мелодию.

– Курить хочется... – страдальчески сказала Женька. – Черт, девочки, до чего же курить хочется!

Алька сочувственно посмотрела на нее, но промолчала. Оксана быстрым движением дотронулась до плеча подруги и тут же нервно отдернула руку, будто испугавшись чего-то. Она за последний час не сказала ни слова, в отличие от Женьки, которая начинала то ругаться, то ныть, то клясть на чем свет стоит «Артемиду» и всех, кого в нее занесло.

– И жрать хочется, – добавила Женька, присовокупив несколько крепких выражений. – Нас кормить будут сегодня или нет?! А?!

– Тише, Жень. Два часа назад кормили, – устало сказала Алька.

– А я еще хочу! Я проголодалась! У меня на нервной почве аппетит просыпается!

Она вскочила и стремительно прошлась по комнате, огибая столы, кресла и напольные вазы. Аля закрыла глаза и откинулась на спинку дивана.

Чувство времени было у нее от природы, и Алька знала, что они сидят в этой комнате четыре часа с четвертью. За все это время к ним никто не заходил, не считая мальчика, принесшего контейнеры с теплой едой и забравшего пустую посуду спустя полчаса. До этого ее допрашивали почти сорок минут, и, поговорив с девочками, она выяснила, что и их допрашивали тоже – по отдельности. «Значит, не врут, что в гротах не установлены камеры», – подумала она сразу, как только услышала, какие вопросы задавали Оксане и Женьке. Парень, который вел допрос, молодой, напористый и злобный – впрочем, возможно, это была лишь выбранная для общения с ней маска, – кричал на Альку, и один раз ей показалось даже, что ее вот-вот ударят. Он постоянно подносил пальцы ко рту, непроизвольно теребя болячку на губе, и когда той же рукой замахнулся на Альку, она подумала, что укусит его, если он посмеет до нее дотронуться. Что-что, а кусаться она умела.

«Знаешь, в чем преимущество девчонок? – учила ее когда-то подруга. – В том, что мальчишки не кусаются. Не кусаются в драке, сечешь? Бить – пожалуйста, а кусать – нет. А ты можешь и бить, и кусать».

«Я могу и бить, и кусать, – повторила про себя Алька, будто полководец перед началом сражения, настраивающий солдат на нужный лад, открыла глаза, встала и подошла к большому прямоугольному зеркалу, широченная аляповатая рама которого плотно прижималась

к стене. Алька готова была голову дать на отсечение, что за зеркалом полно разнообразной аппаратуры. – Пишите, пишите... Наблюдайте за нами. Смотрите: нам скрывать нечего».

Она поправила волосы, глядя себе в глаза, и вернулась на диван.

– Курить хочу, – обреченно проговорили из соседнего кресла. – Черт, до чего же я хочу курить!

– Итак, по порядку, – сказал Саша, стоявший почти вплотную к стеклу, и обернулся к Макару и Сергею. – В креслах сидят Клео и Эль, а та, которая сейчас подходила к зеркалу, – это Ливи.

– Замечательные славянские имена, – себе под нос заметил Илюшин.

– Их специально подбирали... таких? – поинтересовался Сергей, разглядывая девушек.

– Разумеется. Каждая из девочек воплощает определенный образ, который интересен нашим клиентам. Образ должен гармонично вписываться в роль. Скажем, толстухи вызывают влечение у многих гостей, но быть русалками они не могут, потому что жирная русалка – это смешно, а не сексуально.

– Да уж, в сексуальности этим троим не откажешь. – Макар наклонил голову набок, пристально оглядел рыжеволосую девушку, с угрюмым видом стучавшую голый пяткой по ковру. – Рыжая – что за образ?

– Клео? Чувственность.

Рыжая Клео обернулась к шатенке, сидевшей с отрешенным видом на подлокотнике ее кресла, и что-то сказала. Длинная рубашка, натянувшись, обрисовала высокую грудь, и Бабкин еле сдержался, чтобы не присвистнуть. Девица была хороша, как ведьминская дочь: с вьющимися длинными кудрями, чуть раскосыми глазами, которые – Сергей не сомневался – должны были по всем правилам отливать болотной зеленью, с розово-белой кожей того нежного оттенка, что характерен для рыжеволосых.

– Хотите, звук включу? – предложил Саша. – Их пишут, но можем и сейчас послушать.

– Не надо, – отказался Макар. – Сначала так на них посмотрим.

Бабкин подошел поближе к стеклу, присмотрелся ко второй девушке, на которой были надеты короткий топ и шортики, и мрачно осведомился:

– А ваших клиентов не пугает уголовная ответственность за развратные действия в отношении несовершеннолетней?

– Эль? – Саша искренне рассмеялся. – Как вы считаете, сколько ей?

Сергей немного подумал, рассматривая очаровательное детское личико со вздернутой верхней губой и нежным провалом ямки над ней. Шатенка, и тоже длинноволосая... Во всем ее облике было что-то от школьницы, в меру прилежной, в меру непослушной. Тонкие руки, неразвитая грудь, узкие бедра и длинные прямые ножки, ровные, как палочки...

– Хотите сказать, ей уже есть восемнадцать? – с нескрываемым скепсисом спросил он. – Дай бог, если пятнадцать.

– Двадцать три. Честное слово! – прибавил Саша, когда Бабкин обернулся к нему. – Поймите, это тоже образ! Нимфетка. Лолита. Ребенок. Очень востребована. Все-таки в каждом мужчине живет педофил.

– Я бы попросил не обобщать, – проворчал Сергей, снова поворачиваясь к стеклу. «Двадцать три! Черт, кто бы мог подумать...»

– Меня, если честно, больше интересует третья, – подал голос Макар. – Я не вижу, какую нишу она может заполнять. Или у вас есть роль блондинки? Это было бы слишком банально.

Все трое посмотрели на светловолосую девушку, откинувшую кудрявую голову на спинку дивана. В ней не было ни подчеркнутой сексуальности Клео, ни мнимой невинности Эль. Девушка как девушка, скорее очень симпатичная, чем красивая. Она напомнила Баб-

кину какого-то зверька, только он никак не мог сообразить, какого. На фоне ярких подруг она терялась.

– Ангел, – не раздумывая, ответил Саша. – Порочный ангел.

– Неужели? Может, конечно, мне отсюда не видны детали, но как-то не тянет она на ангела, тем более на порочного.

Та, кого назвали порочным ангелом, подняла голову и посмотрела на свое отражение в зеркале. А затем улыбнулась уголками губ.

– Она знает, что с этой стороны зеркала – комната? – удивился Бабкин.

– Нет. Никто из них не знает.

– Хм. Насчет «никто», боюсь, ты погорячился. Что-то мне взгляд ее не нравится...

– Точно говорю, не знает!

– Так почему «порочный»? – перебил их Макар. – Привлекательная женщина, не спорю, хотя ангельская красота мне представлялась чуть более... м-м-м... сдержанной. В этой слишком много жизни.

– Ливи работает недавно, – объяснил Саша. – Ее взяли на место другой девушки, Сони. Та была именно порочным ангелом – потом, если захотите, посмотрите запись. Голубоглазая, и мордашка невинная, а на деле – белокурая бестия. Но для Сони пришлось срочно искать замену, и никого лучше Ливи не нашлось. На самом деле русалка из нее отличная! Шеф за Алькой понаблюдал и сказал, что иногда русалка должна быть просто русалкой, без изысков.

– О, человеческие имена! – оживился Илюшин. – Алька – это сокращение от чего?

– От Аллы. Она Алла Рокунова, но все зовут ее Алькой.

– А две другие?

– Клео – это Женя Коромыслова, а Эль – Оксана Федорчук, – сказал Саша, и Бабкину показалось, что он смутился: сказка разбивалась о прозаические грубоватые имена.

– Женя Коромыслова и Оксана Федорчук... – повторил Макар. – Хорошо, с этими все ясно. А что за образ использовала убитая?

– Микаэлла – самая старшая из них, играла подводную царицу русалок. Была в их группе кем-то вроде начальницы отдела. Ее амплуа – опыт.

– Сколько ей было лет?

– Сорок три.

Сергей присвистнул:

– Не старовата для роли русалки? Сорок три года... Я думал, у вас возрастной ценз для девочек очень жесткий.

– Не забывайте, что клиентам требуются разные типажи, – возразил Крупенников. – Она «холодная» блондинка, эдакая Снежная Королева. Циничная, многое повидавшая, многое умевшая... В играх с клиентами отвечала за элемент садо-мазо, но детали надо уточнять у наших психологов. А в «групповухе» управляла игрой.

– В каком смысле?

– Вот смотрите, – охотно принялся объяснять Саша, – клиенты приходят на эту сцену не только для того, чтобы поплавать и провести время с русалками. Это было бы слишком банально. Точнее, такой день есть, называется «окно», и сегодня был как раз он. Когда «окно», гости делают что пожелают: хотят – в гротах развлекаются, хотят – в озерах плещутся... Но в другие дни разыгрываются сценарии, которые обязательно включают охоту, преследование: например, русалки утаскивают тонущих моряков на дно, или же наоборот – моряки охотятся за русалками. На дальней стороне озера спрятаны лодки, плот, ну и еще кое-какой... антураж. Некоторые из этих игр довольно... ну-у-у... жестокие, и тут Микаэлла была в своей стихии. Это и называется групповухой, а не то, что вы подумали.

– А то, что мы подумали, как называется?

Парень пожал плечами:

– Да никак. В групповой игре важно, чтобы кто-то подавал сигнал для слаженности действий: когда лодку начинать раскачивать или когда моряка «топить»... Это была обязанность Микаэлле.

– А как ее звали на самом деле?

– Так и звали: Микаэлла. Это ее настоящее имя. Микаэлла Костина.

Три женщины, сидевшие за стеклом, застыли неподвижно. Хрупкая нимфеточная красота, чувственная красота, теплая красота.

– Сперва, когда только осваивали эту сцену, взяли трех блондинок, – негромко сказал Саша. – Русалки-русалками: глазища огромные, сами гибкие, худые... Когда они подкрашивались и надевали костюмы, мне даже не по себе становилось. А потом тестовые опросы показали, что они не очень привлекают гостей. Только в качестве экзотики.

– Подкрашивались? – уточнил Бабкин. – А косметика в воде не смывалась?

– Специальная у них, она не смывается. Приглашали гримера, чтобы учил краситься. Девчонки теперь любое лицо себе могут нарисовать. И для волос у них какие-то баночки стоят в гримерках, чтобы не сосульками висели, а красивой волной лежали.

– В гримерках... Как все серьезно.

– А как же! Столько денег вбухать в «сцену», а потом на мелочах прокалываться? Не, шеф не такой человек, чтобы на этом экономить. Уж если делает лучшее, то по высшему разряду.

– Значит, девушки приходят утром в клуб и расходятся по своим комнатам, так? То есть по гримеркам? – спросил Макар, прикидывая что-то. – А затем, уже в костюмах и в полной боевой раскраске, идут в свои гроты и ждут клиентов? Так?

– Не совсем. Красятся они действительно наверху. На самом деле гримерка у них одна на всех, просто в ней выделен закуток для Микаэлле, поскольку она у девчонок за старшую. Они рисуют мордахи, остаются в какой-то легкой одежде вроде той, которая сейчас на Оксане, и спускаются вниз через коридор, чтобы разойтись по своим местам. А уже в гротах натягивают костюмы. Если их наверху надеть, то сложно будет спускаться.

– Стоп! А как же тогда русалки передвигаются по берегу? – нахмурился Сергей, вспомнив рыбий хвост.

– Там есть две молнии, – объяснил Саша и, как показалось Бабкину, слегка сконфузился. – Они спрятаны под чешуей и при необходимости расстегиваются. Если расстегнуть нижнюю, то хвост распадается на две половинки, но ходить так все равно неудобно.

– А если верхнюю? – непонимающе спросил Сергей и тут же догадался по хмыканью Илюшина, зачем нужна вторая молния. – Понял. Вопрос снимается. Во сколько девушки пришли сегодня?

– В восемь. Каждую из них опросили сразу после того, как нашли тело.

– Во сколько это было? – Сергей успел достать блокнот и торопливо записывал, Макар внимательно слушал, полагаясь на память.

– В двенадцать с небольшим. Девочек развели по разным комнатам, их ответы записывались. Каждая говорит, что была у Микаэлле в пещере, но ни одна не признается в убийстве.

– Зачем они к ней приходили? – спросил Илюшин.

– Видите ли, у девчонок нет жесткого режима. Они не обязаны сидеть каждая в своем гроте и ждать гостей. Наоборот: чем более естественно они будут себя вести, тем лучше, поэтому они могут плавать вместе, заплывать друг к другу в гости, болтать, подниматься наверх и так далее.

Сергей кивнул и закрыл блокнот. Предстояло как можно быстрее изучить результаты предварительного опроса и самим провести беседу со всеми подозреваемыми. «До черта работы! Придется привлекать тех троих, которым платит Перигорский, но что они за работники – неизвестно».

Что-то смутно царапало его все время, пока он смотрел на девушек за стеклом... Какая-то очень простая, совсем очевидная мысль... Бабкин еще раз окинул взглядом троих «русалок» и наконец сообразил:

– Постойте-ка! Саш, ты сказал, одна из пещер наверху – для спасателей?

– Ну да. Только им запрещено выходить оттуда, если нет...

– Если нет чего? Опасности для клиента, так?! А откуда им узнать, есть такая опасность или нет? Значит, имеются камеры. Логично?

– Логично, – с сожалением в голосе сказал парень. – Но камер нет.

– Как же тогда...

– Камер нет, зато есть тревожные кнопки. Во-первых, у каждой русалки такая в костюме, зашита в области бедра, чтобы можно было легко ее нажать. Она похожа на таблетку, хорошо прощупывается. Во-вторых, аналогичными напичканы все купальные костюмы гостей. Ну и последнее: не зря же постоянные клиенты третьей «сцены» именно те четверо, с которыми вы будете разговаривать... Они – люди тренированные, все – пловцы, и к тому же их регулярно осматривает наш врач. А уж для девчонок медосмотр раз в месяц – это вообще святое!

– А ты уже обрадовался, да? – поддел Сергея Илюшин. – Просмотрели бы запись и за пятнадцать минут раскрыли дело! А главное, до нас, таких умных, никто не догадался это сделать.

– Все, все, извалял мордой в грязи! – Бабкин поднял руки, сдаваясь. – Саш, что еще нам нужно знать?

Парень задумался, почесал за ухом.

– Понимаете, если все в деталях описывать, нам трех дней не хватит. Основное-то я, кажется, рассказал.

– А что за водопад мы видели, когда спускались в грот первый раз? – вспомнил Илюшин.

– А-а, водопад – обычная водяная завеса, а за ней «кастрюлька». Я вам про нее говорил. Бассейн с очень маленькой чашей, из нее быстро можно слить воду и почти так же быстро набрать.

– А смысл?

– Вода разная. Есть горячая с солями, есть еще с какими-то добавками... Честно говоря, не помню точно. Считается, что «кастрюлька» – лечебная, для тех, кому нужно мышцы расслабить после тренировки или еще чего-нибудь в этом роде. Хотите с врачом поговорить?

– Нет, пока не нужно. Преждевременно. Вот что, Саш: я хочу посмотреть записи рабочей группы, касающиеся клиентов. Расклад по времени: где, кто, сколько минут. Для начала.

– А потом?

– Потом будем с ними разговаривать.

– А ты не хочешь разделить: с девушками общаться буду я, а с клиентами – ты? – предложил Сергей.

– Скорее мы сделаем так: пока ты опрашиваешь девиц, я изучу записи. А потом вместе займемся гостями.

«Сматываться нужно. Срочно».

Алька потянулась, сохраняя видимость спокойствия. Нельзя выпадать из образа. Она – веселое легкомыслие, порхающая бабочка, которую смерть начальницы может ненадолго выбить из колеи, но не расстроить и уж тем более не испугать. Удивление – вот ее главная эмоция. «Только бы дурочку не переиграть».

В том, что предстоят новые допросы, Алька не сомневалась. Перигорский, лысый хрыч, не мог так просто отдать их в руки прокуратуры вместе с любимым детищем, третьей

сценой. С него стало бы закопать труп в песочке на берегу верхнего озера и сделать вид, будто ничего не произошло.

Она покосилась на Женьку с Оксаной. Те были в своем амплуа: одна так и не вышла из роли разъяренной пантеры, вторая изображала полусонную куклу, которую опрокидывают на спинку, и глаза у нее закрываются сами собой. Однако за четыре с половиной часа заключения пыл «пантеры» несколько остыл, и видно было, что Женька прилагает усилия, чтобы держать себя в правильном настрое. Оксана, бледненькая от природы, сейчас показалась Альке мучнисто-белой, и она потянулась к ней, похлопала девушку по коленке:

– Эй, подруга! С тобой все в порядке?

Оксана приоткрыла синие глаза, с испугом уставилась на Альку.

– Как себя чувствуешь? Ты побледнела сильно...

– Я... – начала Оксана, но Женька не дала ей закончить:

– Странно, что не посинела! Почти пять часов сидим! Все, хватит! Надоело!

Она вскочила, и от ее резкого движения Оксана едва не свалилась с подлокотника.

– Что ты хочешь делать?

– Дверь хочешь выбить, вот что!

Однако осуществить свое намерение метнувшаяся к выходу Женька не успела: дверь открылась, и в комнату вошли три человека.

Первый был Сашка Крупенников, к которому Алька относилась хорошо: мальчуган всегда обращался с ними уважительно и не позволял себе сальных заигрываний, в отличие от некоторых других помощников Перигорского. А вот двоих, остановившихся за ним, Алька видела впервые.

Слева, глыбой перегораживая путь к выходу, замер коротко стриженный мужик с цепким взглядом темных, глубоко посаженных глаз, похожий на бывшего боксера, начавшего полнеть, но вовремя взявшего себя в руки. «Такой стукнет – из меня дух вон», – мелькнула у Альки неуместная мысль. Лицо у мужика было серьезное, мрачное.

А вот второй, стоявший рядом с ним, улыбался. Симпатичный светловолосый парень лет двадцати шести, с загорелым лицом. Следуя привычке, Алька перевела взгляд с лица на руки: длинная сильная кисть, «музыкальные» пальцы. С ходу оценив потенциальную угрозу, исходившую от этих двоих, которых, конечно же, привели к ним не просто так, она вдруг с удивлением почувствовала, что светловолосый, откровенно рассматривающий их, кажется ей куда более опасным, чем тот, второй.

Серые глаза остановились на ней, и Алька напряглась. Но парень кивнул ей как старой знакомой и перевел взгляд на Женьку.

Вот уж кто был великолепен! Когда Саша и его спутники только вошли в комнату, она замерла, словно наткнувшись на стену. Отчасти так оно и было, учитывая габариты стриженного. Но теперь, придя в себя, Женька собиралась устроить концерт: Алька видела это по ее позе, по тому, как Коромыслова тряхнула рыжей шевелюрой и часто задышала, раздувая ноздри. «Истеричка! – с восхищением подумала Алька. – Но талантливая же!»

Талант Женьки проявлялся в том, что внушенную себе самой эмоцию она проживала за короткое время на полную катушку, и те, кто общался с ней, могли прочувствовать это на себе в полной мере. Женька будто была током, а затем цепляла крючком и не отпускала до тех пор, пока не выплескивала все накопившееся внутри за недолгий период спокойствия. Гостям она щекотала нервы: дикий нрав в сочетании с дикой же красотой производили сильное впечатление на мужчин. Женька была из тех русалок, которые, хохоча, заманивают моряков на дно и зацеловывают до смерти.

Альке казалось, что все Женькины чувства подкрашены яростью, даже те, с которыми этот ингредиент не сочетается вовсе, – например, любовь к Оксане. Прежде они дружили

втроем: Коромыслова, Оксана и Соня, и когда после смерти Сони на ее место взяли Альку, Женька не сразу примирилась с этим.

– Ты! – Коромыслова выставила вперед тонкий пальчик и брезгливо ткнула Сашу в грудь. – Ты знаешь, сколько мы здесь сидим?

– Женечка... – начал парень, но больше ему ничего не удалось сказать.

– Я тебе не Женечка! Пять часов! И хоть бы одна тварь за это время пришла нам сказать: «Потерпите, девочки!» Вы с нами как с половыми тряпками обошлись! Дали вонючие подачки – нате, пожрите!

Коромыслова сделала шаг вперед, и лицо ее оказалось напротив Сашиного лица. Алька подумала, что он сейчас отшатнется, но тот лишь вздохнул.

– Что, чуть какой капец случился, так можно об нас ноги вытирать, да?!

Алька отвлеклась от пылкой Женькиной речи, потому что заметила, как переглянулись двое, стоявших за крупенниковской спиной. Младший ухмыльнулся краем рта, старший чуть заметно качнул головой. Как ни короток был этот обмен мнениями, Аля успела перехватить его и неожиданно для самой себя прониклась уверенностью, что эти двое – приятели. Не просто хорошо знакомые люди, долго работавшие вместе и привыкшие понимать друг друга без слов, а именно приятели, между которыми состоялся вполне развернутый диалог.

Тем временем Женька, все ближе подступавшая к Саше, все-таки вынудила его податься назад, так что тот едва не наступил на ногу стриженному, и повысила голос настолько, что Альке захотелось заткнуть уши. Конец ее выступлению был положен неожиданно.

– Сударыня, в гневе вы прекрасны, – с издевательской, как показалось Альке, вежливостью сказал светловолосый. – А когда успокоитесь, будете и вовсе неотразимы.

Женька, оборвав фразу на полуслове, стремительно обернулась к наглецу, собираясь испепелить его взглядом, но то ли подействовало старомодное «сударыня», то ли силы ее иссякли на Крупенникове, но, к удивлению Альки, встретившись глазами с парнем, Коромыслова ничего не сказала. Воспользовавшись паузой, тот шагнул вперед и представился:

– Макар Илюшин. А это мой напарник, Сергей.

Стриженный коротко кивнул.

– Мне очень жаль, что вам пришлось долго просидеть взаперти, – продолжал Илюшин, – но придется отнять у вас еще немного времени. Нам нужно побеседовать с вами. Вы не возражаете?

Отчего-то он обратился персонально к Оксане, и та, почувствовав на себе всеобщее внимание, вздрогнула:

– Я? Нет, не возражаю... Чего я буду возражать...

– Чудесно. Давайте сделаем так... Вы провели здесь больше четырех часов и наверняка проголодались. Я попрошу, чтобы принесли горячей еды, а потом, когда вы, не торопясь, пообедаете, мы поговорим. Не будем же мы мучить голодных девушек...

Он улыбнулся извиняющейся улыбкой, развел руками. Наступила тишина, в которой три девушки осмысливали его предложение, а спустя несколько секунд она была нарушена хором протестующих голосов: Оксана с Женей протестовали от души, Алька – за компанию с ними, чтобы не отделяться от коллектива.

– С дуба ты рухнул, что ли?! – подытожила всеобщее мнение Женька. – Мы тогда до ночи отсюда не уйдем! Давай сразу проводи свои беседы!

«До ночи мы отсюда в любом случае не уйдем, – мысленно сказала ей Алька. – Но ты удачно сыграла на руку этому обаятельному прохвосту».

– Ну, если вы настаиваете... – с сомнением протянул Илюшин.

– Настаиваем! Мы девушки честные, нам скрывать нечего.

Алька мысленно заплодировала светловолосому. «Ах ты умница! Изобразил видимость заботы о нас, без труда заработал расположение девчонок, а сам прекрасно знал, что мы откажемся...»

– Это хорошо, что нечего скрывать... Александр, где мы можем побеседовать?

– А? – встрепенулся Саша. – Да-да, конечно... Можете в соседнем помещении, там уже все подготовлено.

– Отлично.

Светловолосый снова переглянулся с насупленным, и тот кивнул.

«Вызывать будут по одной, – лихорадочно просчитывала Алька, – потом вести по коридору до соседней комнаты... Там эти двое, а даже если и один, это ничего не меняет – с ним не справишься. Хорошо, допустим, справишься. И что? Из клуба не выбраться: мимо охраны я не пройду... Думай, Алечка, думай!»

Бабкин бросил взгляд на блондинку, стоявшую возле дивана с растерянным и несчастным выражением лица, и подумал, что из троих девиц она меньше всего похожа на убийцу.

Глава 3

«Во всем были виноваты женщины. Дьявольские отродья, источник греха на земле. Похотливые самки, вечно алчущие недоступного, они могли обмануть кого угодно – но только не его... Нет, не его!»

Он видел их насквозь. У него вызывали отвращение их попытки приукрасить себя, потуги продлить короткую молодость, и он старался держаться подальше от тех, кто вошел в пору увядания, – такие становились особенно хищными, цепкими, жаждущими свежей души и крови, словно эликсира, способного даровать им еще немного юности. Граница проходила по двадцати пяти годам. Он не раз наблюдал – всегда лишь издалека, осторожно, – как в глазах бабенки, еще вчера покорной и верной мужу, вдруг загорался бесовской огонь и незаметно для других охватывал ее всю. И тогда на лице, на теле, даже на ее одежде проступала печать порока. Юбки раздувались, потому что бесстыжий ветер лапал их жаркие бедра, и женщина млела от его прикосновений. Чепцы едва заметно сползали на затылок, и пряди волос выбивались из-под них – словно случайно. А их смех... Его передергивало, когда он слышал за собой негромкий рассыпчатый смех какой-нибудь из этих самок: смех женщины, которая смеется не оттого, что ей весело, а по какой-то другой причине. Но по какой – он никогда не мог понять.

По правде сказать, он их боялся.

Когда ему нужна была женщина, он покупал ее, как покупают еду, но, насытившись, сразу уходил. С блудницами все было честно, хотя они и считали, что своими фальшивыми стонами могут выбить из него побольше монет. Он и правда был щедр, но вовсе не потому, что верил их спектаклям.

И эта история, в которую он влип, как птица в смоляной силке, началась с женщины.

Ему нужно было задуматься еще тогда, когда он встретил ее на развилке дорог: пышная, как воскресный хлеб, волосы убраны под чепец так, что не выбьется ни одна прядь, и вся до того ладненькая, аккуратная, скромная... У большинства из них внешний вид обманчив, он это знал, но та толстушка казалась совсем безобидной.

Поначалу она испугалась, когда увидела его, и едва не припустила бежать, задрав свои юбки... Но потом поняла, кто перед ней, и на круглой мордочке отразилось любопытство. После осторожных приветственных фраз она подошла поближе и круглыми глазами осмотрела шест – он обновил его только накануне, и в какой-то мере ему стало даже приятно, что наконец-то нашелся зритель.

– Это правда Крысиный Король? – голосом, обмирающим от сладкого ужаса, спросила толстушка.

Он покосился на верх шеста, как будто не сам набивал тушки совсем недавно, и небрежно кивнул.

– О-о-о! – Она восхищенно выдохнула, и рот у нее стал такой же круглый, как глаза.

Пухлый ротик, мелкие поблескивающие зубки, крохотные капельки пота над верхней губой... Он отвел взгляд. Незачем смотреть, лишнее это...

Она начала спрашивать: где он был, что видел... Правда ли, что крысы разговаривают перед смертью и способны даже наслать крысиное проклятие? А правда, что ребенок, увидевший крысу с раздвоенным хвостом, если успеет топнуть три раза и сказать «черт-черт-черт, золото отдай!», может выкопать клад на том месте, где крыса сбросит свой хвост? А она сбросит, конечно же, поскольку это и есть сам черт, а черти боятся, когда их узнают! А правда, что если отрезать, высушить и потолочь крысиный...

Тут она наклонилась к нему и жарко зашептала, понизив голос. Когда он разобрал, о чем она шепчет, покраснел и отодвинулся. Святой Петр, что у них на уме, у этих баб?!

А толстушка настаивала, хихикала, из скромницы, которую он увидел в ней поначалу, на глазах превращаясь в ту самую разбитную бабенку, каких он опасался больше всего, и в конце концов он вскочил и стал собирать свой скарб. Она вскочила следом, не понимая, почему он уходит, и вдруг ее осенило. Значит, у него есть это снадобье с собой! Она обошла его вокруг, подозрительно рассматривая, и что-то в его внешности утвердило ее в этой мысли. С собой, конечно! Всем известно, что они, как колдуны, могут готовить удивительные снадобья из крыс! Пусть он отдаст ей совсем немного своего порошка! Хотя бы чуточку! Не хочет отдавать? Тогда пусть обменяет! У нее с собой в корзине отборные, свежайшие яйца, и если он только захочет, она отдаст ему все...

Но он не захотел. Однако чем больше он упорствовал в своем нежелании, тем сильнее толстушка убеждалась, что средство и впрямь у него имеется. Еще бы, раз он не желает обменивать его! Она уже замучилась перечислять, что есть у нее дома в хозяйстве из того, что она готова ему отдать не задумываясь.

И когда он, посмотрев на небо и прикинув, что день будет жарким, стащил с себя и уложил в мешок сорочку и плащ, толстушка окинула взглядом его сухое поджарое тело и тут наконец поняла! Она поняла, что ему требуется, и, рассмеявшись над собственной недогадливостью, сказала, что согласна. Заодно они проверят, так ли действует крысиный порошок, как обещают.

Не дожидаясь его ответа, она присела рядом с ним, завязывающим мешок, придвинулась вплотную и выпятила и без того большую грудь, словно предлагая ему взвесить ее, пощупать и оценить, как на рынке оценивают мясо. Он отшатнулся, нелепо упал на спину, и она прильнула к нему, придавила сверху, схватила его руку и положила к себе на задницу. Рука тут же утонула в ней, как в перине. Самое отталкивающее заключалось в том, что все это время она не переставала болтать, и даже когда потянулась к нему своим пухлым ртом, продолжала изрыгать чудовищные нелепицы и хихикать.

Он увернулся от нее, отполз в сторону, оставив попытки сохранить достоинство, и вскочил. Толстушка перевернулась на спину и недоумевающе уставилась на него. Она вспотела, барахтаясь с ним, и теперь ее красные щеки блестели.

– Я... Я дам тебе снадобье! – выпалил он. – Без всякой платы.

Сначала она не поверила, но быстро убедилась, что он не врет, когда увидела, как аккуратно мужчина отсыпает из маленькой коробочки полпригоршни порошка. Ему показалось, что на лице ее промелькнуло разочарование, но, получив то, что хотела, она успокоилась. Сидела на траве, оправляя вокруг себя юбки, и смотрела, как он перевязывает мешок, хотя он предпочел бы, чтобы толстуха очутилась сейчас как можно дальше от него.

Когда он кивнул ей на прощанье, женщина потрясла мешочком с добычей и кокетливо сказала:

– Надеюсь, я тебя еще увижу. Расскажу, как подействовало твое средство!

Вот оно уже и стало *моим* средством, мрачно подумал он. Через год в деревне будут рассказывать легенды о таинственном снадобье из крыс.

– Куда ты сейчас? – спросила толстушка и, не слушая ответа, тут же добавила: – А, знаю! В Хамельн, верно? Говорят, там половодье крыс! Их, конечно, прокляли, как положено, но на этот раз что-то пошло не так. Еще говорят, что бургомистр обещает огромную награду тому, кто избавит от них город. А еще я слышала от Якоба – это дядюшка мужа, он приезжает к нам раз в год, – что видели крысу с короной на голове, и она шипела, словно змея, и высовывала жало! А у тех, кто на нее поглядел, потом отсохли пальцы!

«Лучше бы у них язык отсох».

Он уже уходил, а она кричала ему вслед:

– И еще эти крысы забрались в ратушу и пометили все углы крысиными знаками! И теперь ни один человек не в состоянии туда войти!

«Крысиные знаки – это, очевидно, помет. Странно, что только углы...»

Лишь уйдя достаточно далеко, он разрешил себе замедлить шаг: до этого его снедало опасение, что бабенка догонит его и снова начнет рассказывать глупые байки. Переведя дух, он даже усмехнулся в отросшую бороду: интересно, поможет ли ей тот невинный состав, который он подсунил под видом целебного лекарства? Смесь сушеных травок, истолченная в пыль, была продана ему одним чудачком: лекарем не лекарем, колдуном не колдуном – святой Петр его разберет! Мельник, одно слово, а значит, водится с нечистой силой. Но помогал его подарок от крысиных укусов хорошо, как мельник и обещал. Вторым хитрым снадобьем, которое он сторговал у него, был сонный порошок. Крысолов временами пользовал его, правда, с большой осторожностью – стоило выпить чуть больше воды, в которой он разводил щепотку средства, и сон мог стать вечным. Полезная вещь, с какой стороны ни взгляни... Жаль, что запасов осталось совсем немного, а в тех краях он не скоро окажется снова, да и неизвестно, будет ли еще жив дед.

Дойдя до новой развилки, он остановился и задумался. Значит, Хамельн... Он не собирався туда идти, подумывал податься западнее, но если байки дошли и сюда, значит, дела в городе и впрямь обстоят неважно. Возможно, его уже кто-то опередил, но попробовать стоит.

Он почесал бороду и свернул на Хамельн.

...Деревни стали попадаться все чаще и чаще по мере того, как он приближался к городу. Несколько раз его обогнали всадники на неплохих лошадях, по виду – торговцы: он успел рассмотреть притороченные к лукам седел объемные тюки. Каждый раз, заслышав издали топот, он скрывался в лесу – не потому, что боялся, а потому, что никто не должен видеть его в том облике, в котором увидела толстуха. Во всяком случае, никто из города Хамельна и его окрестностей.

В конце концов он решил, что пора приниматься за дело. А самая первая часть его дела заключалась в том, чтобы стать фокусником.

«Что делает фокусник? – размышлял он, углубившись подалее в лес и остановившись под искореженным дубом необъятной толщины, по коре которого сновали черно-красные жуки. – Для начала отвлекает внимание. Если этого не сделать, фокуса не получится. А людям нужны фокусы».

Да, людям нужны чудеса – в этом он неоднократно убеждался за годы странствий от города к деревне, от деревни к крепости. Порой он чувствовал родство с бродячими комедиантами, за тем исключением, что они спасали людей от скуки, а он – от смерти. «Еще неизвестно, что хуже», – мрачно пошутил он сам с собой.

От смерти, не меньше. Он вспомнил, как четыре лета назад на Вестфалию накатила лавина крыс. Никто не мог объяснить, откуда они взялись, и даже самые здравомыслящие люди стали подозревать козни дьявола. Крысы возникали отовсюду. Лес рождал крыс, поле рождало крыс, река рождала крыс – из воды они выбирались, блестя мокрыми шкурками, и, не обсохнув, бросались к деревням... Не исключено, что, подожди люди еще немного в бездействии, и крыс стало бы рождать небо.

Но до того, чтобы эти твари падали сверху, не дошло. Хватило и имеющихся.

Они съели все. Шурша, пища, возникая из всех щелей и, казалось, даже проходя сквозь стены, крысы оказывались в сараях и подвалах, на кухнях и в погребках, прятались в печах и до обморока доводили кормилиц, высовывая узкие хищные морды из люлек. Они объедали бока домашнему скоту, и не перечесть, сколько коров пало от их зубов. Говорили, что в тот год крысы поели многих младенцев, и он знал, что так оно и было. Что уж говорить о запахах! Он сам видел, как крысы, сбегавшиеся с разных сторон, подпрыгивали и вцеплялись в окорок, подвешенный на уровне головы взрослого мужчины. Сперва черная копошащаяся масса покрыла окорок так, что не видно было ни куска мяса, а затем на нее стали прыгать новые крысы, хватаясь за сородичей. Визжа, держась зубами за хвосты забравшихся пер-

выми, свисая, как живые веревки, они взбирались друг по другу, кусая без разбора все, что попадалось под их мощные челюсти.

Он тогда стоял в стороне и смотрел, как они валятся вниз, увлекаемые на землю своими же собратьями. Когда свалились все, от окорока осталась только кость.

А чуть раньше на поля напали черви и жуки, пожиравшие все, растущее из земли, не хуже крыс. Люди решили, что одно проклятие следует за другим, и лишь немногие, как он, знали истинную причину происходящего. И так же, как он, молчали.

Крысы были умны и голодны, их собралось столько, что насытиться прожорливым тварям оказалось невозможно. И тогда они начали охотиться на птиц. Если бы он не видел этого собственными глазами, то не поверил бы: к вороне, севшей на пашню, подбиралось несколько крыс, и они прыгали на нее с разных сторон. словно передразнивая кошачьи повадки, они прижимались к земле, подползали ближе, а затем пружинисто подскакивали вверх, отталкиваясь всеми четырьмя лапами. Взлетающая птица, столкнувшись с крысой, падала на пашню, и там участь ее была решена.

Правда, лишь одна охота крыс из тех, что он наблюдал – а их было не меньше десяти, – закончилась успехом, но и одна из десяти – это много. Птицы боялись опускаться вниз и улетали прочь, подальше от новых врагов.

Поэтому голод наступил очень скоро. Люди ели кору, уходили в лес, чтобы раздобыть пропитание, но птичьи гнезда были найдены крысами куда раньше и разорены, а одними ягодами насытиться невозможно. Он сам появился в Вестфалии тогда, когда жители начали есть кошек – тех, что остались целыми после набегов крыс, и хорошо помнил, какими измученными и тощими были крестьяне, вышедшие встречать его.

Он сделал все как надо. Провел обряд, побеседовал с Крысиным Королем... А затем сообщил жителям, что ему нужен окорок. Да-да, хороший копченый окорок. Большой. Нет, он не знает, где они добудут его. Зато он точно знает, что с ними случится, если они не смогут его добыть. Крысиный Король сказал ему, что готов уйти, если от него откупятся, и он считает, что цена не слишком высока для того, чтобы бросать насиженное место.

Удивительно, но окорок они раздобыли – конечно, не такой большой и жирный, как ему хотелось бы, но в их положении и этот был чудом. Когда мясо несли по улице, у стоявших вокруг людей были такие глаза, что ему стало не по себе – похоже было, что они вот-вот сами бросятся на окорок, словно крысы. Но у людей хватило выдержки, а самое главное, страха перед ним, чтобы не сделать этого. Тогда он приказал всем разойтись, предупредив, что у тех, кто вздумает подглядывать, в носу отрастет крысиная шерсть, а в желудке заведется страшный зубастый червь. Неизвестно, чего они испугались больше – вряд ли шерсти, подумал он, глядя на их рожи. Эту шерсть в носу не возьмешь. Как бы то ни было, ставни оказались закрытыми плотно, и ни одна дверь не скрипнула, когда он проводил обряд изгнания.

Ему тогда помог деревенский дурачок. На убогого проклятие не подействует, успокоил он стоявших вокруг крестьян, а затем увидел по их лицам, что и без этих слов парня все равно оставили бы ему на съедение. То есть в помощь.

Когда все разбежались, он начинил окорок ядом так, как давно хотел попробовать. Это было его собственное изобретение. Сперва острым железным прутом он проколол дырки в мясе, а затем заостренными трубочками, сделанными из высушенного купыря, тонкими и полыми внутри, утыкал мясо со всех сторон как можно глубже, вставляя их в готовые отверстия. Яд разболтал в воде, прикрикивая на дурачка, чтобы не отвлекался на его действия, а следил за костром – они развели вокруг узкую полосу огня, не дававшую крысам подобраться к окороку раньше времени. Затем взял самую длинную и тонкую трубку и очень осторожно приступил к завершающему этапу: всасывал раствор в трубку, вовремя останавливаясь, чтобы тот не попал в рот, а затем впрыскивал по очереди в каждую из тех, что были

воткнуты в мясо. Закончив работу, он подождал некоторое время, а затем вытащил трубки из окорока.

Купырь, как он и опасался, оказался непрочен, и часть трубок поломалась... «Надо было дудник брать», – подумал он, но дудника на ближайшем берегу не росло, а искать подходящее болото с его зарослями не было времени. Они с дурачком потушили костер, и он приказал ему убираться, а сам отошел в сторону и принялся ждать.

Крысы пришли, не боясь его, и проделали с окороком все то, что и должны были проделать. А яд подействовал даже быстрее, чем он надеялся. Выходит, трубки не подвели.

После он разбросал по всей деревне трупки околелых крыс, смазав некоторым из них шкурки заранее отрезанным с окорока салом. Но прочие сожрали бы их и без этого. Они сожрали отравленную падаль, и дохлые крысы убили живых. Так оно всегда и бывает, сказал он себе. Так оно и бывает, и не только с крысами.

Из окоченевших тушек получилась гора размером с дом. Он велел всем местным тщательнее собрать дохлых крыс, припугнув их тем, что иначе Крысиный Король может разгневаться таким пренебрежением к его погибшим подданным, и жители подчинились. Они во всем его слушались – до поры до времени.

Конечно, они его боялись. Боялись и ненавидели. Когда-то их отношение причиняло ему страдания, но со временем он загрубел настолько, что стал находить в этом мрачное удовольствие. Нет, он вовсе не был избавителем в их глазах – всего лишь меньшим из зол. Но, избавившись от большего, люди очень быстро забывали о том, какой участи избежали, и искали, на кого обратить гнев за перенесенные мытарства.

Именно поэтому, закончив свою работу, он никогда не задерживался на одном месте. К тому же цена, которую он назначал, представлялась весьма высокой даже до того, как крысы были уничтожены. А уж *после* их гибели она казалась и вовсе несоразмерной сделанному. Иногда находились охотники облегчить его тяжелую ношу, прибрав себе часть полученной им награды. Поэтому со временем он научился пугать их так, чтобы надолго отбить охоту идти за ним по следу, а испугав, пользоваться выигрышем во времени и быстро исчезать.

На тех крысах, которых жители хотели оставить себе в качестве назидания и напоминания о том, что случилось, – как правило, это были особенно крупные звери, или странного окраса, или такие, у которых имелось редкое уродство, – он ставил свой знак: надрезал на загривке шкурку зверька крест-накрест, отсекал мышцы и немного приспускал кожу вниз, оставляя красный треугольник. В этом не было никакого особого смысла, но ему и не требовался смысл – достаточно того, что люди видели знак и помнили о том, кто его поставил.

Разложив под деревом свои вещи, он принялся неторопливо облачаться. Сперва сорочка, а на нее – верхнее платье, котта – но не такая, что носят честные горожане, не совершающие сделок с нечистой силой и не служащие ей, из одноцветной, хоть и яркой, материи, а пестрая, из лоскутов. Синий, желтый, красный, черный, зеленый... Он пристегнул рукава, один синий, другой желтый, и надел на голову желтое кале. Ткань, подкрашенная шафраном, немного выцвела от времени, но вышитый на ней знак – черная крыса с разинутой пастью, прижатая к земле красным посохом – был таким же ярким, как и в тот день, что вышел из-под иглы девушки-рукодельницы.

К шесту, на котором болталась связка набитых сухой травой крысиных тушек, он привязал несколько бубенцов. Теперь ему не нужно прятаться – наоборот, чем больше внимания он привлечет, тем лучше.

Последнее, что он бережно достал из своего необъятного мешка и повесил себе на шею, была дудочка – простенькая дудочка на шнурке. Он поднес ее ко рту, и короткие перебивы огласили окрестный лес и спугнули любопытных дятлов с соседнего дерева.

Теперь он был полностью готов. Под дубом стоял тот, кому предстояло спасти город Хамельн.

Крысолов».

* * *

Комната, которую им выделили для допросов, напоминала будуар, но Бабкин решил, что придираться не стоит. Возможно, подумал он, для девушек эта обстановка подойдет как нельзя лучше.

Рыжая Женя Коромыслова сидела в кресле напротив него, закинув ногу на ногу, освещенная мягким светом, падавшим из узкого, как бойница, окошка за спиной Сергея.

– Гражданин начальник, дай закурить, а? – нарочито гнусаво протянула она.

Некурящий Бабкин всегда носил с собой пачку сигарет и зажигалку, на опыте не раз убеждаясь, насколько вовремя предложенная сигарета облегчает общение.

– «Мальборо» только, – с извиняющейся интонацией сказал он.

– Плевать! Пускай «Мальборо»...

Бабкин протянул початую пачку, щелкнул зажигалкой, и Женька торопливо вытасила сигарету, закурила, затянулась с такой жадностью, что мысленно он посочувствовал ей – в гроте, конечно, курить русалке было нельзя, а в той комнате, где они сидели под наблюдением, тем более.

«Чертовски соблазнительна», – вот что приходило в голову, когда он смотрел на нее. Книжное какое-то выражение, немного устаревшее, но очень подходящее к рыжеволосой русалке, выпускавшей дым из четко очерченных, ярких, как маки, губ. «Чертовски соблазнительна». На тонкой руке болтался простенький браслет из разноцветного бисера, и Бабкин, удивленный тем, что красавица носит ерундовую вещицу, вгляделся в него. Не такой уж он был и простенький, этот браслетик: бусинки складывались в рисунок из цветов с желтыми серединками и белыми лепестками, незаметный на первый взгляд. Но русалке, решил Сергей, украшение совсем не подходило.

– Расскажи, как у тебя день сегодня складывался, – попросил он, непринужденно переходя на «ты».

– Я уже рассказывала!

– Ты невнимательно вспоминала, могла что-то важное забыть... Попробуй еще раз.

Слушая девушку и делая попутно короткие пометки в блокноте, Бабкин понимал, что она повторяет сказанное прежде. Была в гроте убитой два раза, один раз – одна, второй раз с Эль. «Эль – это у нас нимфетка... Проверить». Приходила поболтать, поесть сладостей, просто убить время: гости плавали в первом озере, соревновались друг с другом.

– А к тебе сегодня кто-то из них приходил?

– Приходил... Олежка, красавчик мой! С утра прибежал, как ошпаренный. – Она довольно усмехнулась. – Покувыркались мы с ним, правда, недолго, и он уплыл. Ах!

Она картинно вздохнула, взглянула на Сергея из-под длинных ресниц. Интуитивно Женька догадывалась, что ему неприятно ее слушать, и постаралась зацепить его еще раз:

– Олежек, конечно, мальчик красивый, но хозяйство у него с Ванюшиным не сравнится. Да ты сам знаешь, наверное: грузин русского всегда в этом обскачет.

Женька двусмысленно улынулась, выпустила дым и решила, что теперь можно и поменять позу. Сняла правую ногу с левой, раздвинула их, на секунду замерла в непристойной позе, и ленивым движением закинула левую сверху. «Ну, хороший мой, краснеть будем?»

– Да-да-да, «Основной инстинкт» все смотрели, – кивнул Бабкин. – Ты, может, поудобнее сядешь?

– Мне и так удобно, не тревожься! – огрызнулась Женька, раздосадованная тем, что не удалось смутить этого большого угрюмого мужика, похожего на медведя.

– Тогда расскажи мне, что ты делала после ухода Олега. Кстати, во сколько он ушел?..

Когда Женька удалилась, Бабкин вздохнул с облегчением. В комнату заглянул Саша, озабоченно спросил:

– Кого теперь тебе прислать?

– Давай, что ли, эту... Эль. Кстати, где Илюшин?

– Он у шефа, они там с опергруппой разговаривают, смотрят показания клиентов. – Он поколебался, но не смог удержаться от вопроса: – Вытащил что-нибудь из этой ведьмы?

– Потом видно будет, – уклончиво ответил Сергей.

– Если кто и придушил Микаэлла, так это она! – убежденно сказал Саша. – Она же просто бешеная! Сейчас узнала, что ей отсюда никуда не уйти, и чуть лицо мне не расцарапала. А я что сделаю?! Распоряжение шефа! «Сидеть в клубе до тех пор, пока убийцу не найдут!»! Шла бы к нему да орала на него...

Бабкин подумал, что Евгения очень хорошо знает, на кого можно орать, а на кого нет, и Перигорскому не грозит услышать ее яростные выкрики.

– Зачем бы ей душить Микаэлла? – поинтересовался он. – Похоже, они были в неплохих отношениях... В гости друг к другу ходили, о клиентах, наверное, сплетничали.

– Ну не знаю...

По Саше было видно, что он разочарован. «Наверное, хотел, чтобы я сразу рыжую расколот. Раз – и готово! Убийца рыдает, раскаявшись, и все довольны».

– Давай сюда вашу нимфетку, – попросил Бабкин. «Ох, эта сейчас тоже начнет выкаблучиваться...»

...Оксана вошла, замерла посреди комнаты в растерянности, и одного взгляда на нее Сергею хватило, чтобы понять: эта выкаблучиваться не будет. Девушке было не по себе. Она избегала встречаться взглядом с Бабиным, и он почувствовал себя мучителем детей. Ему пришлось напомнить себе, что перед ним не ребенок, а двадцатитрехлетняя девушка.

– Сядьте, пожалуйста, – сказал он.

– Я никого не убивала! – выдавила Эль и подняла глаза на Сергея. В них был страх. – Честное слово, не убивала!

Бабкин сообразил, что она боится не кого иного, как его. «Черт, Илюшин бы сейчас очень пригодился... Вот кто умеет разговаривать с перепуганными девицами всех мастей».

– Оксана, послушайте... – как можно мягче сказал он, вспомнив уроки Макара, – вас никто ни в чем не подозревает. Мы с вами немного поговорим о том, что вы сегодня делали, а потом вы вернетесь в свою комнату и сможете поесть. Вы же наверняка хотите есть, правда?

Бабкин говорил, почти не задумываясь, помня то, чему учил его Илюшин: женщина реагирует в первую очередь на интонации, и только во вторую – на смысл произносимого. Ему самому верилось в это с трудом, но, судя по Эль, Макар был прав: девушка немного ожила, опустила в кресло, сжав колени.

– Ну, вот и замечательно... А теперь вспомните, пожалуйста, во сколько вы пришли в клуб?

Оксана осторожно наблюдала за мужиком, что-то записывавшим в блокноте, и следила за тем, чтобы не расслабляться и не менять положение тела. Ножки вместе, пальцы рук переплетены и прижаты к груди. Во-первых, так она кажется совсем худенькой и юной, а во-вторых, у нее очень выигрышные запястья. Пусть посмотрит, дурачок.

Ей хватило одной минуты, чтобы он заговорил с ней не тем голосом, что был у него вначале, а таким, каким неизбежно начинали разговаривать с Эль рано или поздно почти все мужчины: заботливым и ласковым. У многих появлялись воркующие ноты, но по этому шкафу видно, что от него воркующих нот ждать не приходится. Поэтому он не понравился Оксане: она предпочитала управляемых мужчин.

Она часто называла себя Эль, и в мысленных разговорах обращалась ко второй стороне своей натуры в третьем лице: «А что Эль хочет? А что Эль порадует? Эль, это нам понравится...» Становясь Эль, она на глазах сбрасывала несколько лет, растягивала гласные, двигалась порывисто, иногда неловко. Кожа у нее была от природы тонкая, нежная, и окружающие считали, что Оксана не пользуется косметикой, но только Ливи и Клео знали, сколько времени уходит у нее на правильный макияж. «Что макияж! Через пару лет придется в носогубки рестилайн уколоть... А может быть, и лоб поправить...»

– Знаете, Мика была очень злая, – услышала Оксана свой голос, и в первый миг испугалась, не сболтнула ли чего-нибудь лишнего. Задумавшись, она потеряла нить беседы, позволила себе плести невесть что...

Конечно, «медведь» зацепился за брошенную фразу.

– Злая? В чем это проявлялось?

Оксана решительно загнала Эль поглубже и добросовестно задумалась, стоит ли честно отвечать на вопрос. Вышло, что правда ей ничем не повредит.

– Например, она Ливи терпеть не могла. Изводила ее, приставала к ней!

– Почему?

– Не знаю... Она вообще-то к нам с Клео тоже приставала, но не так сильно. А к Ливи – просто постоянно! То заявляла, что у нее в гроте грязно, то грозила рассказать шефу, что Ливи отказывается делать завивку...

– Завивку? – непонимающе переспросил Бабкин.

– Ну да, завивку. Мы обязаны волосы завивать.

– Зачем?

– Чтобы, когда из воды выходишь, смотрелось красиво: кудряшками, а не сосульками. Вы никогда не замечали, что если у девушки прямые волосы, то они ужасно выглядят мокрые? А нам нужно быть хорошенькими, мы же русалки! Поэтому раз в полгода специальную завивку делаем – и я, и Клео, и Мика...

– А Ливи что, отказывалась?

– Ага. У нее волосы от природы вьющиеся, они и так красивые, зачем их завивкой портить? А Мика ругалась, кричала на нее. Говорю же, злая! И гадости постоянно ей говорила. Ливи терпела, потому что она недавно работает, ей нельзя ни с кем ссориться. Игорь Васильевич очень этого не любит.

– Кто из гостей чаще бывал в гроте Микаэлы?

– Сушков и Олежек, – не задумываясь ответила девушка.

«Олежек... Второй раз слышу про этого Олежека. И к Рыжей он заплывал утром, и убитой был частым гостем. Интересно, что там Илюшин нарыл...»

– Я замерзла, – пожаловалась Эль, трогательно поводя худыми плечиками. – Можно я пойду? Я вам уже все-все рассказала, честное слово!

Бабкин взглянул на нее, и на долю секунды у него мелькнуло ощущение фальши. Но оно тут же прошло.

– Я сейчас Сашу позову, – сказал он и поднял трубку телефона, не заметив торжествующего блеска в глазах Эль.

...Когда снаружи слышались шаги, Алька подобралась и приказала себе немедленно стать умной, хитрой и сильной. И желательно еще невидимой. Можно даже просто невидимой, и бог уж с ними, умом и хитростью. «Мне нужно бежать отсюда, любым способом бежать!» Но когда Крупенников зашел в комнату и жестом показал, что наступила ее очередь, Алька выглядела всего лишь взволнованной и в меру уставшей от долгого ожидания.

– Что, обидела тебя Клео? – сочувственно спросила она у Саши.

Криков Женьки она не слышала, но догадывалась, что та не могла спокойно принять известие о том, что им придется находиться в «Артемиде» до тех пор, пока Перигорский не даст разрешения уйти.

Крупенников только вздохнул.

Они вышли из комнаты с зеркалом, где последние сорок минут Алька сидела в одиночестве, и направились в ту часть здания, где располагались кабинеты врача, массажистов и еще какие-то помещения, в которых она никогда не бывала. «Если ударить Сашку, толкнуть, то можно добежать до комнат и спрятаться в одной из них... Нет, бесполезно. Даже если какая-нибудь окажется открытой, меня очень быстро найдут. Ну же, Аля, думай!»

Из-за двери, мимо которой они проходили, раздались мужские голоса, и она вздрогнула. Саша покосился на нее.

– Все на нервах, – пробормотал он. – Скорее бы это закончилось.

«Боюсь, это закончится не совсем так, как ты надеешься», – мысленно сказала ему Алька, прикидывая, чего ей стоит ожидать. С ней будет беседовать один из тех двоих, что заходили полтора часа назад... Или оба. Если оба, то у нее точно ничего не получится, а вот если один, то шанс есть. Отвлечь его, ударить чем-нибудь тяжелым, и пока он валяется без сознания, выпрыгнуть в окно... «И торопливо закопаться в землю, – закончила она. – Потому что мимо охраны я не пройду, а через стену не перелезть».

Панический страх, подступавший к ней с того момента, как их собрали вместе и стало ясно, что с территории клуба ей не выйти, накатиł снова. «К черту! Выбраться хотя бы из здания, а там будь что будет!»

Но когда они вошли в комнату, где спиной к окну сидел тот, похожий на бывшего боксера, она сразу поняла, что не выберется. Никак. Несмотря на то, что он был один и Алька сразу схватила цепким взглядом, чем его можно было бы ударить.

Но окно! – черт возьми, окно было такое узкое, что даже ребенок не пролез бы в него, и она едва не вскрикнула от разочарования. Крупенников вышел, оставив ее вдвоем с Сергеем – она вспомнила, как его зовут, – и Алька села в кресло, пристроилась на самом краешке. Не для того, чтобы вызвать жалость, а потому что вскакивать с краешка было бы легче, чем из глубины кресла, а она не исключала, что ей все-таки выпадет шанс. Жизнь научила ее, что шанс выпадает всегда, главное – заметить его.

Бабкин отложил блокнот и внимательно посмотрел на девушку. Она напомнила ему типаж, вошедший в моду вслед за появлением на киноэкранах Мэрилин Монро: очаровательная блондинка-хохотушка, глуповатая или притворяющаяся таковой, легкомысленная и ветреная. Только в этой не было выставленного напоказ, всячески подчеркиваемого сексапила, и фигура больше соответствовала современным вкусам. «Ну да, не зря же Саша говорил о том, что пышнотелая русалка им не подходит».

Вглядевшись в ее лицо, Сергей сообразил наконец, какого зверька напоминает ему Алла Рокунова. Лисичку. Треугольное личико, чуть раскосые, широко расставленные серые глаза под светлыми бровями и вздернутые уголки губ, придававшие ее лицу выражение лукавства.

– Ко мне можно на «ты», – быстро сказала она, пока он не успел ничего спросить. – Давай уж без формальностей.

Пожалуй, по первому впечатлению она нравилась ему больше, чем Клео и Эль...

– Это ведь ты нашла тело?

– Да. Но я ничего не трогала!

– Я и не говорю, что трогала. Итак, ты увидела, что Костина лежит возле воды... Кстати, ты вошла через дверь?

– Да... Я зашла – дверь была открыта – и увидела ее. И сразу поняла, что она мертвая! Она так лежала... и эта веревка... Я даже не стала близко подходить. Кажется, закричала и нажала на кнопку в кармане костюма. У нас всех есть такие тревожные кнопки, которые...

– Я в курсе. Что потом?

– Почти сразу приплыли спасатели, но они тоже при мне ничего не трогали. Только отругали меня за то, что я...

Ливи осеклась и смутилась.

– «Что я» – что? – встрепенулся Сергей.

– Я украшения в сундук собрала, – призналась она, отводя глаза. – У нее стоял сундук с драгоценностями, его опрокинули, и часть просыпалась в песок. Мне было страшно смотреть на мертвую Мику, поэтому я отвернулась и стала складывать всю эту бижутерию обратно.

Бабкин выругался про себя: никто не сказал ему о том, что сундук опрокидывали. Это могло не иметь ни малейшего значения, а могло и иметь.

– Зачем ты приходила к Костиной?

– Она сама хотела, чтобы я к ней зашла. Не знаю, зачем.

Он задал еще несколько вопросов, но Ливи повторяла то, что говорила оперативникам – почти сразу же в грот по тревоге прибыло начальство, и ее отправили в отдельную комнату, где дважды допросили, а затем привели туда Эль и Клео.

– Расскажи, что ты сегодня делала утром? – привычно попросил Бабкин.

Ничего нового Рокунова не рассказала. Она тоже, как и Клео с Эль, была утром в гроте Микаэллы.

– Выслушала полагающуюся мне порцию...

Девушка запнулась, и Сергей пришел на помощь.

– Помоев, – подсказал он, внимательно следя за ее реакцией.

Она не смутилась, только нахмурилась.

– В общем, да... У Микаэллы был не самый легкий характер, от нее многим доставалось.

– Но тебя она особенно не любила.

– Она никого не любила, кроме своего сына, – спокойно сказала Алька. – Про него могла бесконечно рассказывать, даже если ее никто не слушал. Почему она придиралась ко мне, я не знаю, но догадываюсь.

– И почему же?

Она взглянула на него без улыбки, словно обдумывая, можно ли ему довериться.

– Потому что Игорь Васильевич не прислушался к ее мнению, когда выбирали новую девушку взамен Сони – той русалки, которая работала до меня. Скажу честно: платят здесь очень хорошо. Очень! Микаэлла привела свою знакомую, но та была брюнеткой, а Игорь Васильевич решил взять блондинку, и приняли меня.

– Почему?

– Потому что джентльмены предпочитают блондинок, – улыбнулась Алька. – А на самом деле не знаю. Я ведь не видела ту девушку, подругу Микаэллы. Может быть, у нее подготовка была недостаточно хорошей для того, чтобы плавать туда-сюда... Ведь это не так просто, как может показаться.

– Мне совсем не показалось, что это просто... – проворчал Бабкин, вспомнив, как они ныряли вместе с Сашей и ему едва хватило воздуха.

– Вот видишь! – тут же подхватила она. – Ты это понял, а многие не понимают! Думают, что плавать по тоннелю из одного озера в другое, задерживая дыхание, это ерунда! Ты знаешь, что мы не должны надевать маски, ведь это разрушает иллюзию?

– Догадываюсь.

– А гости, разумеется, надевают, если хотят. И если они решили поплавать с русалкой, то это может быть очень тяжело и утомительно... Не зря же у каждой из нас разряд по плаванию. Другие просто не справились бы с этим.

– Ясно. Скажи...

Бабкину пришлось прерваться на полуслове: в дверь постучали, и вошел Илюшин.

– Не помешал? – осведомился он. – Серега, я на минуточку.

Он положил на стол бумаги, непринужденно присел на его краешек, не обращая внимания на Альку. Она внимательно, почти жадно наблюдала за обоими.

– Вторую строчку смотри, – посоветовал Макар вполголоса.

Бабкин поднял на него глаза, покачал головой.

– Шо, опять?? – спросил он с комическим ужасом в голосе.

– Именно. Даже не могу сказать, облегчает это нашу задачу или усложняет.

Он наклонился ближе к Сергею и заговорил так тихо, что Алька различала только неразборчивое бормотание. Но ее не интересовало содержание их разговора. Она следила за другим: за мимикой, за жестикующей, за расстоянием, на которое старший позволил приблизиться младшему... «Они не просто приятели, они друзья! Мальчишки, окажитесь голубыми, а? Пожалуйста!» Но Алька уже видела, что они не геи. Впрочем, это не являлось препятствием... В уме ее созрел дикий, рискованный, жестокий план. Для его осуществления обязательны были два условия: второй сыщик должен уйти, и она должна узнать, где можно будет быстро найти его. «Почти невыполнимо...»

– Ладно, заканчивай и приходи, – сказал светловолосый парень по имени Макар, и Алька едва не дернулась от охватившего ее волнения: он уходит!

– А где Женька с Оксаной? – как можно естественнее поинтересовалась она.

Макар обернулся к ней, и ей стало не по себе от его взгляда. Серые глаза, очень умные, оценивающие... Взгляд такой, будто ему по меньшей мере сорок, а не двадцать шесть.

– Мне хотелось узнать, отведут меня потом к ним или нет? – заторопилась объяснить Алька.

– Отведут, – кивнул сыщик. – Я хотел поговорить со всеми вами. Так что, наверное, я и отведу.

Она благодарно улыбнулась, и он улыбнулся в ответ.

Когда дверь за ним закрылась, мозг Альки бешено заработал. Сейчас ей нужно выверять все, каждую мелочь. Слишком многое поставлено на карту, чтобы она могла допустить небрежность.

– Знаешь, Сергей, я кое-что вспомнила, – медленно сказала она, хмурясь, будто вспоминая. «Не переигрывать!»

Он вопросительно посмотрел на нее. Алька потеряла висок, невидящим взглядом уставилась на стену за спиной сыщика.

– Нет... – наконец в нерешительности выговорила она, – это, наверное, не имеет значения.

– Что ты вспомнила?

– Микаэлла очень интересовалась личной жизнью наших гостей. Ей нравилось думать, что она осведомлена обо всем, и чувствовать себя хозяйкой положения. Всем нужны иллюзии: кому-то – русалки, кому-то – ощущение собственной значимости... Конечно, напрямую она ничего не смела у них спрашивать, но о чем-то клиенты проговаривались сами, а что-то она, как мне кажется, подслушивала.

– У нее была такая возможность?

– Я про это и хотела тебе сказать... Ты же видел коридор, который ведет вниз, к гротам? Там много сюрпризов и таких фокусов, о которых не знаем даже мы. Один из них – это «кастрюлька».

– Про «кастрюльку» мне рассказали. Это бассейн с горячей водой.

– Да, но дело не в этом. Микаэлла как-то сказала мне, что если в нем нет воды...

Алька замолчала.

– Если в нем нет воды, то что? – терпеливо спросил Сергей.

Она быстро осмотрелась вокруг, словно сообразив что-то. Затем покачала головой.

– Я могу показать, – тихо сказала она. – Это просто. Господи, я, кажется, поняла, как все было!

Бабкин хотел что-то сказать, но Алька вскочила, испуганно приложила палец к губам и умоляюще замотала головой.

– Когда твой друг вернется? – торопливым шепотом спросила она.

– Минут через пять-десять. А что?

– Нам, наверное, нужно подождать его... А потом я покажу вам, из-за чего убили Микаэllu. Если только за это время они не догадаются...

– Пошли сейчас, – прервал ее Бабкин. – Покажешь, в чем там дело.

Он сунул телефон в задний карман и решительно направился к двери.

Когда они вышли, девушка спряталась за его спиной и схватила Сергея за руку так, что он охнул от боли.

– Ой, извини! Мне показалось, там кто-то есть!

– Никого там нет. – Бабкин на всякий случай заглянул за угол. – Успокойся.

До залы, из которой вниз, к пещерам, вел лабиринт из красного камня, они дошли, никого не встретив по дороге. Оказавшись перед дверью, за которой начиналась лестница, Алька вдруг сообразила, что у нее с собой нет ключа, и похолодела. Ключ остался в костюме русалки... Почти не надеясь на успех, она положила ладонь на холодную плиту, толкнула – и та неожиданно подалась под ее рукой. Алька облегченно выдохнула.

– Ты чего застыла? – проворчал сзади сыщик. Его огромная тень падала на кривые ступени, грубо вырубленные в скале.

– Иду, – сказала Алька и легко скользнула вниз, навстречу дрожащим светильникам, почти неотличимым от факелов.

Когда Илюшин, вернувшись, обнаружил пустой будуар, первым его побуждением было позвонить Бапкину. Однако, подумав, он решил подождать несколько минут: наверняка у Сергея были веские причины для того, чтобы уйти вместе с девушкой. Поэтому когда дверь почти бесшумно приоткрылась, он встал со стула, собираясь поинтересоваться, где друга черти носят, но осекся: в комнату вошел не Бабкин, а Алла Рокунова. Что-то в выражении ее лица изменилось по сравнению с той испуганной блондинкой, которую он видел пятнадцать минут назад, и Макар нахмурился, пытаясь осознать перемену.

Рокунова прикрыла дверь и прислонилась к ней спиной. Плотно сжатые губы и странный блеск в глазах насторожили его. Она смотрела на него исподлобья, сжимая что-то в правой руке. Рукав рубашки был мокрым, и капли стекали на пол.

– Ливи, где Сергей? – спросил Илюшин, специально назвав ее «рабочим» именем.

– Хороший мужик твой Сергей. Доверчивый.

Взгляд Макара метнулся к предмету в ее руке – на долю секунды ему показалось, что это пистолет и девушка сейчас выстрелит в него. Но это был всего лишь телефон.

– Где он, я тебя спрашиваю? – резко сказал Илюшин, вставая.

Он уже понял, что все пошло наперекосяк, но еще надеялся, что ошибся в своих предположениях и стоящая перед ним женщина имеет в виду что-то иное... Но Алька быстро подошла к нему и перевернула телефон кверху экраном.

– У тебя очень мало времени на то, чтобы выслушать меня, а повторять я не буду, – сухо предупредила она. – Твой друг сейчас здесь...

Она нажала на кнопку, и на экране развернулась фотография. Даже слабенькой мобильной камеры хватило, чтобы запечатлеть картинку: на дне маленького бассейна лежал Сергей в позе спящего на животе человека, повернув голову вправо. Алька увеличила снимок, и Макар увидел, что глаза Бабкина закрыты.

– Он без сознания, – спокойно сказала Алька, пока Илюшин молча смотрел на фотографию. – Дверь в коридор закрыта и заблокирована. Это его телефон, видишь?

Илюшин видел. Это действительно был телефон Сергея. Даже если бы он не узнал модель, характерные царапины на корпусе не дали бы ему ошибиться: Бабкин не любил часто менять телефоны и пользовался одним и тем же до тех пор, пока тот окончательно не изнашивался.

– А теперь посмотри... – сказала Рокунова, когда Макар перевел взгляд на нее.

Она подняла левую руку – в ней был зажат маленький черный брелок. Палец лежал на выпуклой кнопке.

– Здесь все автоматизировано до предела, – пояснила Алька. – Эта штуковина придумана специально для нас. Нажимаю на кнопку – в «кастрюльке» включается вода. Она набирается за две минуты. Я поставила температуру на семьдесят градусов.

Илюшин выбросил руку так молниеносно, что, если бы Алька не была к этому готова, брелок был бы уже у него. Но она знала, что он поступит именно так, и успела отпрыгнуть в сторону.

– Еще раз так сделаешь – и нажму на кнопку, – предупредила она. – Мне терять нечего, понял? Мику я придушила, поэтому мне по-любому нужно выбираться отсюда. Ее, суку, мне не жалко ни капли, она это заслужила... – лицо Рокуновой исказилось от ненависти, – но твоим другом я тоже пожертвую.

– Что ты хочешь от меня? – Илюшин быстро просчитывал ситуацию. При любом раскладе получалось, что эта дрянь успеет нажать на кнопку, а он не успеет попасть вниз быстрее, чем за несколько минут. Если она догадалась заблокировать двери, ведущие в лабиринт, то и больше. Но даже если представить, что он откроет дверь сразу, как только подбежит, Сергей успеет свариться в семидесятиградусной воде. Название «кастрюлька» внезапно приобрело такой ужасающий смысл, что Макар содрогнулся.

– Выведи меня отсюда! – приказала Рокунова.

– Как ты себе это представляешь?! Снаружи охрана.

– Вот именно. Поэтому, если я поведу тебя под дулом пистолета как заложника, мне отсюда не выйти. А если ты поведешь меня, то нас пропустят. И пистолета не понадобится.

Илюшин вынужден был признать, что расчет Рокуновой прост и точен. Перигорский дал всему персоналу указания: помогать ему и Бабкину по мере возможностей. Наверняка такие же инструкции получила и охрана.

– Они свяжутся с боссом, когда мы будем выходить, и он запретит выпускать нас, – быстро сказал Макар.

– Тогда я нажму на кнопку, – пообещала Алька. – Мне все равно за Микаэllu срок светит... На твоего медведя мне плевать, а лысому козлу я подлянку устрою напоследок. Все, время вышло! Нажимаю?

Макар посмотрел ей в лицо. Рокунова была взвинчена до крайней степени: при всех стараниях казаться хладнокровной, она часто дышала, и на виске ее билась короткая синяя жилка. Исчезли привлекательность и кокетство, остались ярость и страх затравленной крысы, готовой кинуться даже на многократно превосходящего силой противника.

«Женщины непредсказуемы», – вспомнил Макар слова Перигорского, с каждой секундой убеждаясь в мысли, что Алла действительно нажмет на кнопку. Нажмет, не задумываясь о последствиях. «А если Серега рассердил ее во время разговора, то она сделает это с большой охотой».

– Пошли. – Илюшин, не раздумывая больше, двинулся к выходу.

– Возьми меня под руку и веди так, как будто хочешь со мной расправиться, – приказала Рокунова.

«Не так уж далеко от истины».

– Быстро, быстро!

Они бежали по коридорам, замедля шаг, когда встречали людей. Но на них почти не обращали внимания. Расчет Рокуновой срабатывал: все видели, как ее ведет, ухватив за предплечье, человек Перигорского.

Завернув за угол, она на ходу, не останавливаясь, залезла в карман его джинсов и, вытащив портмоне, сунула себе в нагрудный карман рубашки:

– Фотографию любимой женщины верну при случае.

Поворот направо, еще один, вниз по лестнице, коридор, снова лестница – и все быстро, быстро, почти бегом! Макар пытался сориентироваться, но все мысли из головы начисто выбивала показанная фотография: Бабкин, без сознания лежащий на дне чаши. «Как же она его вырубил?!»

– Сейчас мы выйдем из здания, – предупредила Алька. – До ворот будет совсем недалеко. Не вздумай фокусничать, понял?

Перед дверью Макар на мгновение остановился, взглянул ей в глаза.

– Не трать слов, – посоветовала Рокунова. – Они тебе понадобятся, когда будешь объясняться с лысым.

Илюшину захотелось ударить ее – так, чтобы она потеряла сознание с одного удара, и брелок вывалился бы у нее из пальцев. Но он понимал, что Рокунова может успеть нажать на кнопку. К тому же уже в следующую секунду он осознал, что хотел ударить ее не для того, чтобы обезвредить, а потому, что сейчас она вызывала в нем холодную ярость, какой не вызывала до нее ни одна женщина. Перед ним была хитрая, расчетливая стерва, которая сперва обманула их обоих, притворившись невинной овцой, затем заманила Сергея в ловушку и оглушила, а теперь пользуется им, Макаром, как отмычкой для выхода из своей тюрьмы. И он сам выводит ее из «Артемиды»!

– Хватит рефлексировать, двигаемся! И запомни: теперь жизнь твоего друга зависит только от того, насколько ты будешь убедителен!

Она толкнула дверь, и они вышли из здания, стоявшего ближе прочих к воротам. В лицо Илюшину ударил ветер, показавшийся ему после теплых помещений клуба колючим, как зимний. Только теперь он сообразил, что Рокунова одета в одну рубашку и босоножки, и мельком подумал о том, что, наверное, снаружи ее ждет машина с сообщником.

– Соберись, – сквозь зубы приказала Алька. – Ближе уже!

– Как зовут начальника охраны, знаешь?

– Вадим Лямин.

Охранник, стоявший в стеклянной будке возле ворот, увидел одного из сыщиков, приглашенных боссом. Он пригляделся, чтобы убедиться, что не перепутал, но к ним направлялся именно тот, про кого шеф ясно сказал: «Любые перемещения по территории разрешены». Удивительным было то, что парень практически волочил за собой одну из девчонок, работавших на дальней «сцене» – хорошенькую грудастую блондиночку, лицо которой сейчас было искажено от боли. Блондиночка была в туфлях и тонкой рубашке, похоже, накинутой на голое тело, а парень – в джинсах и майке, хотя вечер выдался вовсе даже не жаркий.

– Э-э, Вить, чего это с ними? – удивился второй охранник, проследив за направлением его взгляда и тоже заметив странную пару.

– Щас узнаем, – философски пожал плечами Витя.

Парень тем временем подошел вплотную к воротам и делал знаки, чтобы ему открыли. Виктор вышел из будки и направился к ним. Лицо у девицы, как выяснилось при ближайшем

рассмотрении, было заплаканное и покрасневшее, а от крепко держащего ее парня исходила такая ярость, что охраннику стало не по себе. «Измордовал совсем девчонку...»

– Ворота открывай, – холодно приказал Илюшин. – Я тебе сказал, хватит скулить! – обратился он к девушке и сильно тряхнул ее.

– Я не хочу туда! – простонала та.

– Раньше надо было думать, теперь поздно. Уже машина снаружи ждет. Да открывай быстрее, тормоз! – рывкнул он на Виктора. – Или мне Лямину позвонить, чтобы он лично сюда прибежал? Сколько я еще должен здесь яйца морозить?!

Хамский тон и грубость сделали свое дело: Виктор немедленно убедился, что парень имеет полное право отдавать ему приказы. Если у него и была мысль связаться с начальником охраны, чтобы уточнить полномочия белокрысы, то после упоминания фамилии шефа она исчезла. Белокрысы явно знал, что делает, и не стоило ему мешать. «Еще назначат потом крайним, если что не так...»

Виктор махнул рукой напарнику, и тот нажал на кнопку пульта. Дверца рядом с воротами щелкнула и приоткрылась.

– Пошла, пошла...

Подталкивая девушку перед собой, Илюшин вывел ее за ворота.

– И не закрывать! – громко крикнул он. – Я сейчас вернусь.

Витя поежился и возвратился в будку.

– Слушай, они совсем озверели, – пожаловался он второму охраннику. – Беспредельщики какие-то. То открой, то закрой... Че там случилось-то, что такую бучу подняли?

Второй охранник пожал плечами. Его не интересовало, что случилось. Главное было – следить, чтобы никто лишний не вошел, а никто нужный не вышел с территории клуба. Остальное – не его ума дело.

...Оказавшись за воротами, Алька изо всей силы оттолкнула Илюшина и отбежала на несколько шагов. Ветер развеивал подол ее рубашки, открывая загорелые бедра. Из проезжавшей мимо машины оживленно засигналили, и она замахала рукой; машина притормозила на противоположной стороне улицы, и Алька, бросив взгляд на Макара, метнулась через дорогу. Нырнула в салон, даже не обернувшись на него, но напоследок швырнула на проезжую часть тот самый брелок, который все это время судорожно сжимала в руке.

Охранник по имени Виктор даже не успел заметить, как белокрысы сыщик снова оказался внутри и забарабанил в стекло будки.

– Лямина твоего к Перигорскому сейчас же! – приказал он.

На ходу набирая номер шефа «Артемиды», Илюшин побежал к главному корпусу и, как только Перигорский взял в трубку, попросил, запыхавшись:

– Игорь, направьте врача на третью сцену, срочно. И попросите взломать или открыть двери.

– Что случилось?!

– Там Сергей, он без сознания. И еще...

– Сергей?! – перебил его Перигорский. – Ваш Сергей?

– Да, да, мой Сергей! Он в чаше бассейна, который за водопадом, и нужно...

– Ваш Сергей только что покинул мой кабинет, – сказал Игорь Васильевич. – Вы с ним, кажется, разминулись.

Прежде чем до Илюшина дошел смысл его слов, он увидел человека, выходящего из корпуса, и застыл на месте. Когда секундное остолбенение прошло, он что-то пробормотал в трубку, извиняясь, и пошел навстречу Бабкину, испытывая глубокое облегчение пополам с изумлением.

– Ну и где она? – сердито осведомился Сергей, подходя и хлопая себя по карманам. – Черт, я телефон где-то посеял... Куда ты отвел эту дурную девицу? И какого лешего тебя

носит по всей «Артемиде», так что я не мог тебя найти? Можно сказать, по свидетельским показаниям восстанавливал ваш маршрут...

Илюшин стоял, не двигаясь, и смотрел на Бабкина без выражения.

– Э, Макар!

– Скажи, пожалуйста, где ты был последние десять минут? – задумчиво спросил Илюшин, и лицо у него стало немного отрешенное.

– Ползал, как последний кретин, по их «кастрюльке»! – Бабкин выругался. – Излазил ее всю на брюхе почище ужа, и все без толку. И теперь у меня есть несколько вопросов к нашей блондинке...

Илюшин покачал головой:

– Вынужден тебя огорчить. Боюсь, мой доверчивый друг, возможности задать их в ближайшее время у тебя не будет.

Глава 4

– Как вы могли на это купиться?!

– Спокойнее, спокойнее, – урезонил Перигорский возмущавшегося – молодого парня с глазами навыкате и с брюзгливо оттопыренной нижней губой.

Парня звали Николай. Он постоянно теребил болячку на губе, и Сергей косился на него, раздражаясь все сильнее и сильнее. Но обострять отношения сверх меры не стоило, тем более что они с Илюшиным и впрямь оказались виноватыми со всех сторон, как ни крути.

– Хитра ваша девка... – проворчал старший из оперативников Перигорского, которого остальные звали только по отчеству – Степаныч. – А как две других?

– От этой меньше всего можно было такого ожидать, – признался Саша, маячивший возле окна.

– Понятно. – Оперативник хмыкнул. – Страшно представить, на что тогда другие способны. Бабы, чего...

На его глубокомысленное замечание никто не ответил.

Картину побега Аллы Рокуновой составили быстро, сопоставив рассказы Бабкина и Илюшина. Когда Сергей выходил из комнаты, девушка отвлекла его, притворившись испуганной, и вытащила телефон из кармана. Через подземелье они вместе дошли до водопада, и Алька выключила его: просунула руку сквозь стену воды, на что-то нажала, и спустя минуту они, не промокнув, вошли в крошечную пещеру.

Только тогда девушка согласилась сказать Бабкину, что она имела в виду, говоря, что знает мотивы убийства. По словам Альки, некоторое время назад Микаэлла рассказала ей о необычном звуковом эффекте: человек, прижавшись ухом к стенке чаши бассейна, скрытого за водопадом, мог слышать все, о чем говорили в гроте самой Микаэллы.

– Она не сказала, как узнала об этом, – торопливо говорила Алька. – И не призналась, что именно услышала. Но то, что она подслушивала, – это точно! Пока мы шли, я вспомнила, что несколько раз заставляла ее здесь одну, а что ей делать тут одной?

– Принимать соляные ванны, – предположил Сергей.

– Воды не было! – горячо возразила девушка. – В том-то все и дело! Поэтому я и удивилась! А еще я знаю точно, что у Микаэллы в гроте несколько раз гости оставались по двое, а ее просили ненадолго выйти. Все помнят, что на наших «сценах» нет ни камер, ни подслушивающих устройств!

– Кто оставался в гроте, когда Микаэлла уходила? – спросил Бабкин.

Рокунова заколебалась, но в конце концов назвала две фамилии. Оба клиента были в числе сегодняшних гостей.

– Но я не ручаюсь, что Микаэлла все это не выдумала! Нужно проверить, чтобы знать наверняка!

– А она была склонна к таким выдумкам?

– Вообще-то нет. Скорее наоборот: она была человеком с довольно бедной фантазией.

– Ладно... Давай проверять.

Дальше Алька без труда убедила Бабкина залезть в бассейн и послушать, не донесутся ли до него голоса оперативников, которые в это самое время должны были в гроте Микаэллы искать улики. Сергей был почти уверен, что девчонка сфотографировала его именно тогда: она сидела на краю чаши, пока он, прикрыв глаза и распластавшись по сухому дну, пытался расслышать хоть что-нибудь.

– А вдруг они уже ушли оттуда? – предположила Алька, когда он поднялся и отрицательно покачал головой. – Вот что – я быстро сбегая в грот и скажу что-нибудь вслух, а вы послушаете!

У Сергея не возникло никаких сомнений в ее искренности. Он лишь заметил, что не совсем понимает, как, а главное, зачем понадобился Перигорскому такой странный способ подслушивать то, о чем говорят в первом гроте.

– Может быть, это получилось само собой? – сказала ему на это Рокунова и, подумав, добавила: – Или он считал, что аппаратуру легко обнаружить, а вот догадаться о таком способе можно только случайно?

Бабкин вынужден был признать ее правоту. Алька убежала, пообещав громко разговаривать сама с собой в гроте, перемещаясь с места на место, если не обнаружит там оперативников, а он остался ползать по бассейну, чувствуя себя улиткой.

– И долго ты так ползал, улитка? – осведомился Илюшин.

Выяснилось, что в бассейне Бабкин находился достаточно долго. Сперва он ждал, пока раздадутся хоть какие-нибудь звуки, но звуков не было, и Рокунова не возвращалась. Сергей уже хотел было отправиться за ней, но затем сообразил, что, вероятно, дверь в грот оказалась закрытой, и Алла вынуждена была искать Сашу, чтобы попросить его пропустить ее туда или дать ей ключ.

Это здоровое в целом предположение дало Рокуновой дополнительные пять-семь минут, которые она и использовала, чтобы выбраться из «Артемиды».

– Итак, она сыграла блестяще дважды, – подытожил Макар. – Первый раз – когда изобразила перед Сергеем охваченную азартом девицу, которая всего боится, но все-таки открывает ему правду. Второй раз – когда появилась передо мной в образе убийцы. Ей удалось убедить меня, что мой напарник лежит без сознания, и стоит ей нажать на кнопку, как его тут же обварит кипятком.

– Как вы могли поверить в такую глупость, Макар Андреевич? – поморщился Перигорский. – Послушайте, ну вы же умный человек!

– Я бы тоже поверил, – проворчал Бабкин. – У вас здесь столько всего понапихано, что ничего удивительного в бассейне с водой, которую можно залить дистанционно, я бы не нашел. А про то, что вода в «кастрюльке» горячая, нам еще Александр ваш говорил.

– Говорил, да, – уныло подтвердил Саша. – Не семьдесят градусов, конечно... И наливается не с пульта, а если кнопками на панели управления пощелкать. Панель в стене замаскирована, но ее найти, в общем-то, несложно...

Он осекся, заметив взгляд Сергея.

– Никто ничего не искал, – сказал Илюшин, – потому что мы приняли все на веру. Если вы смогли соорудить здесь озера, сообщающиеся между собой, что уж говорить об остальном.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.